

свидѣтельствуеть, что синаиты отдавали свой монастырь самому папѣ, и если сначала Ананія, а потомъ „злѣжительный и скаредожительный“ архимандритъ Кирилль представилъ писанія, „яко поддаетъ монастырь свой Москвѣ,—вещь беззаконна и посмѣянна: беззаконна убо, яко подлежащее другому патріаршескому престолу отъ времени третіею синода, како подлежати будетъ иному безъ изреченія вселенскому собору? Посмѣянна же двухъ ради нѣкіихъ (причинъ): первое яко како можетъ московскій патріархъ правити Синайскую гору? Второе, яко монастыри всего міра поминають православныхъ патріарховъ и начальниковъ православныхъ и по образу сему вся суть всѣмъ поддана, и како тѣи тое, еже есть сущее, глаголють, яко будетъ сущее? Третіе, яко тѣи ищутъ языческими внѣшними властью, да будутъ самоглавами церкви и како покарятся вамъ? Тѣмъ же явно есть, яко лгутъ, токмо да соберутъ сребро“. Въ заключеніе Досиѣей пишетъ Адриану: „егда прійдутъ къ вамъ отцы синаитяне, и въ грамотахъ ихъ наречется архіепископъ синайскій, или въ писаніихъ своихъ подписуетъ титло, или въ великихъ или въ малыхъ нѣкіихъ писаніихъ, то да раздраете и отцы да изгоняете со срамомъ и стыдомъ, яко преступники божественныхъ канонѣвъ и наипаче, яко нечестивѣйшія, понеже презирають обычай и изрѣченіе церкви“. Досиѣей однако волновался совершенно напрасно, такъ какъ въ Москвѣ вовсе и не думали покушаться на его верховныя права надъ Синаемъ и подчинять послѣдній власти московскаго патріарха¹.

¹ Подробнѣе объ этомъ см. нашу статью: Русская благотворительность Синайской обители въ XVI—XVIII столѣтіяхъ (Чтен. общ. люб. духовн. просв. 1881 г. окт.—ноябрь).

VI

Сношенія патріарха Досиѣя съ русскимъ правительствомъ при Петрѣ Великомъ.

Съ 1690 года положеніе дѣлъ въ Москвѣ сильно измѣнилось. Царевна Софья была окончательно устранена отъ управленія государствомъ и власть перешла въ руки Петра, который и сталъ теперь управлять единолично (больной царь Іоаннъ не имѣлъ никакого значенія). И на московской патріаршей кафедрѣ произошла также въ это время перемѣна: патріархъ Іоакимъ не особенно, какъ мы видѣли, пріятный Досиѣю, умеръ и его преемникомъ сдѣлался Адрианъ, съ которымъ Досиѣей вошелъ въ добрыя и частыя сношенія. Съ другой стороны и въ положеніи Досиѣя или, точнѣе, въ положеніи св. мѣстъ въ Іерусалимѣ произошли такія важныя и печальныя для православныхъ перемѣны, которыя заставили Досиѣя съ 1690 года усиленно искать защиты и покровительства у московскаго правительства, и ради этого войти съ нимъ въ еще болѣе близкія и частыя сношенія, на сколько это было возможно при тогдашнихъ враждебныхъ отношеніяхъ Россіи къ Турціи, начавшихся еще съ 1686 года.

Какъ мы уже не разъ выше говорили, въ Іерусалимѣ постоянно велась упорная борьба между греками, латинянами и армянами изъ-за обладанія святыми мѣ-

стами. Греки, какъ представители всего православія, считали себя исконными, единственно законными обладателями всѣхъ святыхъ мѣстъ, чего однако никогда не хотѣли признать латиняне и армяне, при всякомъ удобномъ случаѣ стремившіеся отнять у грековъ тѣ или другія св. мѣста, и занять вмѣсто нихъ первенствующее положеніе при святомъ Гробѣ. Вслѣдствіе этого патріархамъ іерусалимскимъ приходилось вести какъ съ армянами, такъ, и особенно, съ латинянами неустанную энергичную борьбу, чтобы удержать за собою св. мѣста и первенство при святомъ Гробѣ. Предшественники Досиѳея вели борьбу успѣшно, и хотя іерусалимскій престолъ принужденъ былъ расходовать на это большія суммы, вслѣдствіе чего на патріархіи накоплялись иногда огромные долги, но за то св. мѣста и первенство при св. Гробѣ оставались всегда въ рукахъ православныхъ. И Досиѳею пришлось вести ту же борьбу главнымъ образомъ съ католиками, какъ и его предшественникамъ, только результатъ ея въ концѣ былъ уже иной. Борьба Досиѳея съ католиками началась уже съ перваго года его вступленія на патріаршій престолъ (т. е. съ 1669 г.), возобновилась потомъ въ 1673 году и закончилась благопріятно для грековъ въ 1675 году, несмотря на всѣ усилія и происки латинянь, находившихъ себѣ сильную поддержку у французскихъ пословъ при Портѣ. Въ 1683 году притязанія латинянь снова потерпѣли неудачу и Досиѳею было успокоился, но ненадолго. Противъ Турціи, въ это время образовалась коалиція изъ христіанскихъ государствъ: Австріи, Венеціи и Польши; къ нимъ въ 1686 году примкнула и Россія, предпринявшая два извѣстныхъ похода въ Крымъ подъ предводительствомъ князя Василія Голицына. Турція терпѣла пораженія отъ союз-

никовъ—австрійцевъ и венеціанъ, и находилась поэтому въ очень затруднительномъ положеніи. Тогда французское правительство стало обѣщать туркамъ свою помощь противъ союзниковъ подъ тѣмъ между прочимъ условіемъ, чтобы турки признали и формально укрѣпили за латинянами первенство въ св. мѣстахъ, и чтобы тѣ св. мѣста, которыми когда либо владѣли латиняне, а теперь владѣютъ греки, снова отданы были латинянамъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній турецкое правительство, опасавшееся, какъ бы и Франція не примкнула съ союзникамъ, согласилась на требованіе французовъ. Въ Апрѣлѣ 1689 года въ этомъ смыслѣ изданъ былъ султанскій указъ, который и былъ приведенъ въ исполненіе. Самъ Досиѳею въ своей Исторіи патріарховъ іерусалимскихъ говоритъ: „сколь много и сколь жестокія бѣдствія причинили паписты Іерусалиму когда пришли туда съ фирманомъ и съ царскимъ чиновникомъ, и похитили съ коварствомъ и съ насиліемъ первенство при св. мѣстахъ, требуетъ особаго повѣствованія. А здѣсь кратко упомянемъ о слѣдующихъ ихъ дѣйствіяхъ: во первыхъ, чтобы показать себя закоренѣлыми и непримиримыми врагами православныхъ, разрушили темплеонъ въ храмѣ виелеемскомъ, который впродолженіи четырехъ лѣтъ выстроили намъ хіосскіе художники. Осмѣивали и презирали честной крестъ и святые иконы греческой живописи. Въ отдѣленіе св. Гроба, гдѣ патріархи раздѣляли святыи свѣтъ, раскопали святой престолъ, и нашедъ въ основаніяхъ его ковчегъ съ святыми мощами, взяли его себѣ. Потомъ разнесли ложный слухъ, будто правительство повѣсило патріарха, и чрезъ то привели православныхъ въ великую печаль и смущеніе, такъ что когда пришло отъ насъ туда извѣстіе, то христіане

отъ радости сдѣлали въ эту ночь освѣщеніе въ домахъ своихъ. Оклеветали предъ правительствомъ и намѣстника нашего въ томъ, будто онъ сдѣлалъ обиду царскому чиновнику, и придумывали и другія ковы, чтобъ сдѣлать отцамъ зло, почему и принуждены они были удалиться въ Дамаскъ, и были тамъ дотолъ, доколѣ мы изъ Адрианополя не прислали туда фирмана, поставляшаго ихъ въ безопасность, и только тогда они возвратились въ Іерусалимъ. Во вторыхъ, напрасно и ложно повсюду разглашаютъ латиняне, будто святыя мѣста въ ихъ власти, ибо хотя въ нѣкоторыхъ изъ сихъ мѣстъ и получили они первенство, но не полную совершенно власть, потому что и мы свѣтло, торжественно и, какъ и прежде, несравненно съ большею свободою, чѣмъ паписты, совершаемъ въ нихъ всѣ церковныя службы, не опасаясь со стороны ихъ власти никакого препятствія“. Затѣмъ въ утѣшеніе и ободреніе православныхъ Досиѳеѣй заявляетъ: „да и то, что латиняне говорятъ, будто св. Гробъ и св. Пещера въ ихъ власти, показываетъ только то, что они одни тамъ служатъ, между тѣмъ какъ и мы, если захотимъ, можемъ служить безпрепятственно, но не дѣлаемъ сего по многимъ и различнымъ причинамъ, а особенно потому, чтобы не подумалъ народъ, будто мы отъ нихъ неразличаемся. Сверхъ сего сколько мы имѣемъ св. мѣстъ, монастырей и церквей въ самой соборной церкви св. Гроба и въ самомъ святомъ градѣ и внѣ его, вблизи и въ отдаленности; то паписты и все сборище еретиковъ не имѣютъ и половины того, чѣмъ, по милости Божьей, мы владѣемъ и распоряжаемся съ полною властью и произволомъ“¹.

¹ Кн. XII, гл. 13.

Но хотя Досиѳеѣй утѣшалъ себя и православныхъ тѣмъ, что они и теперь какъ и прежде могутъ безпрепятственно совершать всѣ церковныя службы и при св. Гробѣ и въ св. Пещерѣ и въ другихъ св. мѣстахъ, и что они владѣютъ въ святой землѣ столькими церквами и монастырями, „что паписты и все сборище еретиковъ не имѣютъ и половины того“, однако уступка латинянамъ нѣкоторыхъ и притомъ важнѣйшихъ св. мѣстъ и главное: признаніе ихъ первенства въ св. мѣстахъ, было такимъ ударомъ для Досиѳея, что онъ съ 1689 года до самой своей смерти уже ни разу не былъ больше въ Іерусалимѣ, гдѣ теперь первенствовали и хозяйничали латиняне. Правда Досиѳеѣй постоянно думалъ возвратиться въ Іерусалимъ, но только тогда, когда прекратится господство латинянъ, такъ какъ онъ былъ убѣжденъ, что ему скоро удастся возвратитъ грекамъ первенство въ св. мѣстахъ, причемъ онъ рассчитывалъ на помощь и содѣйствіе русскаго правительства, которое онъ и постарался подробно познакомить съ вопросомъ о св. мѣстахъ въ Іерусалимѣ.

Въ Ноябрьрѣ 1690 года Досиѳеѣй отправилъ государямъ особую грамоту о св. мѣстахъ, которая доставлена была въ Москву 28 Апрелья 1691 года слугою молдавскаго воеводы Маркомъ Константиновымъ. Въ ней Досиѳеѣй кратко излагалъ исторію обладанія св. мѣстами въ Іерусалимѣ со времени завоеванія его арабами, стараясь доказать исторически, что законными всегдашними обладателями св. мѣстъ были только православные, а не армяне и католики. Въ древнее время, именно въ 636 году, повѣствуетъ Досиѳеѣй, когда Омаръ взялъ Іерусалимъ, хотя арабы и учинили великія бѣды церквамъ православнымъ, однако же во всѣхъ мѣстахъ православные монастыри и церкви „имяше первенство

и честь“, благодаря заботамъ и особымъ ходатайствамъ византійскихъ императоровъ. Такъ продолжалось до 1097 года, когда франки овладѣли Иерусалимомъ, изъ котораго они были изгнаны чрезъ 85 лѣтъ, а потомъ въ теченіи нѣкотораго времени Иерусалимъ попеременно переходилъ то въ руки арабовъ, то въ руки франковъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда Иерусалимомъ овладѣвали арабы, византійскіе императоры посылали арабамъ дары, ради которыхъ арабы „давали покой святымъ мѣстамъ и церквамъ и православнымъ христіанамъ“. Такъ продолжалось до 1350 года, „когда всеконечно изгнали французовъ арабы отъ всея Палестины и Финикіи. Въ 1350 году, когда франки окончательно были изгнаны изъ Палестины, византійскій императоръ Андроникъ Палеологъ „посылалъ къ арабамъ скорое посольство съ великими дарами“, благодаря чему „православные въ Иерусалимѣ паки держали святыя мѣста, монастыри и церкви съ великимъ покоемъ“. Точно также и прочіе Палеологи, даже до 1453 года, „всегда тѣшили салтановъ вавилонскихъ, Египта и Дамаска“, благодаря чему православные въ Иерусалимѣ держали церкви свои съ миромъ. Послѣ же взятія Константинополя турками „ослабѣли христіане православные въ Иерусалимѣ, не имѣюще никого заступника и помощника“, чѣмъ воспользовались франки, которые „взяли лукавствомъ и подарками церковь святой Сіонъ и поселились тамъ“. Когда султанъ Селимъ въ тысяча пятисотъ двадцатыхъ годахъ отнялъ Иерусалимъ у египтянъ и передѣлалъ въ мечеть сіонскую церковь, отнявъ ее отъ франковъ, то послѣдніе обманули грузинцевъ множествомъ денежнымъ и взяли отъ нихъ, внутри Иерусалима, монастырь св. Іоанна Богослова и поселились тамъ. Однако по взятіи Иерусалима Селимомъ „паки

почали оживати греки“, особенно при патріархѣ Германѣ, при которомъ султанъ Сулейманъ построилъ нынѣшнія іерусалимскія стѣны, опредѣливъ по скольку денегъ платить христіанамъ, приходящимъ поклониться св. Гробу, „и далъ паки честь и власть патріарху греческому киръ Герману“. При патріархѣ Софроніѣ король французскій прислалъ 12,000 червонныхъ золотыхъ и взялъ св. Голгоѳу, чему не могъ воспротивиться патріархъ Софроній ради своей бѣдности. Хотѣлъ было онъ отправиться въ Москву, когда тамъ былъ константинопольскій патріархъ Іеремія, но, пришедши въ мулянтанскую землю, отъ тамошняго воеводы получилъ 6000 червонныхъ, которыми и откупилъ половину Голгоѳы. Послѣ французы, благодаря новому подкупу, захватили св. Пещеру въ Виолеемѣ, но патріархъ Теофанъ, побывавъ въ Москвѣ и получивъ тамъ довольную милостыню, „осилилъ французовъ при салтанѣ Муратѣ и взялъ все св. мѣста отъ французовъ въ 1631 году“. Правда въ 1633 году визирь Байрамъ паша взялъ съ французовъ 80,000 ефимковъ и опять отдалъ имъ все св. мѣста, но патріархъ Теофанъ въ 1635 году „къ тому же салтану Мурату вышелъ и билъ челомъ имянно“, почему султанъ „далъ патріарху судъ съ французы въ диванѣ, въ царскомъ судилищѣ, и оправдалъ патріарха, и отдалъ ему ихъ (св. мѣста) съ крѣпкимъ правиломъ“. Въ этомъ судьбищѣ помогъ Теофану волошскій воевода Василій, который далъ Теофану милостыни сначала 45,000 ефимковъ, а потомъ послалъ еще въ Иерусалимъ 42,000 червонныхъ золотыхъ. Послѣ этаго хотя православные въ Царьградѣ и Иерусалимѣ „многіе обиды терпѣли повсядневно“, однако св. мѣста всегда оставались за греками, не смотря на все старанія армянъ и особенно латинянъ завладѣть ими. Па-

тріархъ Паисій въ 1657 году судился въ царскомъ диванѣ съ армянами и побѣдилъ ихъ. Въ 1663 году, когда турки были побѣждены на рѣкѣ Рабѣ, посоль „паповѣнчаннаго цесаря“ просилъ св. мѣста, но турки отказали ему. Въ 1673 году прилежно просилъ св. мѣсть посоль французскій, но и ему отказали и даже „съ укоризною“. Но тотъ же „проклятый посоль“ пошелъ въ Іерусалимъ, чтобы силою завладѣть св. Гробомъ, а такъ какъ православные ему противились, то онъ убилъ одного греческаго старца, влѣдствіе чего турецкое правительство вызвало его въ Константинополь, гдѣ визирь далъ ему судъ съ греками, послѣ котораго издалъ крѣпкій указъ и утвердилъ, чтобы всѣ святые мѣста были за греками. Это рѣшеніе состоялось въ 1675 году. Послѣ приходили въ Константинополь послы отъ французовъ, венеціанъ, генуэзцевъ, отъ поляковъ и всѣ въ совокупности просили св. мѣсть, но турки отстранили эти притязанія, не смотря на то, что послы французскіе не разъ предлагали туркамъ и подарки и помощь противъ венеціанъ и нѣмцевъ за уступку св. мѣсть. Во всѣхъ этихъ случаяхъ грекамъ необходимо приходилось тратить большія суммы денегъ, влѣдствіе чего іерусалимскій престолъ впалъ въ большіе долги, но они утѣшались тѣмъ, что св. мѣста находятся въ рукахъ православныхъ. Но вотъ въ прошломъ 1689 году снова явился въ Константинополь французскій посоль и заявилъ, что французы всячески будутъ помогать туркамъ въ ихъ войнѣ съ нѣмцами и не положатъ оружія до тѣхъ поръ, пока нѣмцы не заключатъ съ турками миръ и не возвратятъ имъ всѣхъ отнятыхъ у нихъ земель. Визирь, по выраженію Досиоея, „обои уши свои къ слышанію словъ посланника приклонилъ“, однако турки и теперь еще не рѣшались отдать св. мѣста французамъ по двумъ

причинамъ: „чести ради государства своего, потому что всѣ народы били челомъ имъ, чтобы пропускали поклониться св. мѣстамъ; а вторая причина, что боялися, буде возмутъ тѣ святые мѣста отъ православныхъ, чтобы неустремилось ваше державнѣйшее и святое царство на нихъ войною“, такъ какъ всякій разъ, когда западные просили себѣ св. мѣсть, „всегда совѣтывали здѣшніе турецкіе вельможи и говорили: что смотрите, не разбудите москалей, которые спятъ добро“. Однако нынѣ турки всетаки отдали наконецъ св. мѣста французамъ по совѣту крымскаго хана. Впрочемъ французы не взяли всего, токмо св. Гробъ и Пещеру рожденія Христова и половину Голгобы, чѣмъ они по временамъ владѣли и ранѣе. Но кромѣ этого они еще теперь взяли: „всю церковь св. Виолеема и одинъ сводъ внутри св. Гроба, гдѣ мы подавали святой свѣтъ, и обрѣтеніе честнаго креста“. При этомъ французы причинили грекамъ такія бѣды, „что когда персы и арабы взяли Іерусалимъ, столько бѣды не учинили“.

Разказавъ исторію владѣнія св. мѣстами и доказавъ историческое право православныхъ на обладаніе св. мѣстами и первенство въ нихъ, Досиоей пишетъ затѣмъ, что такъ какъ онъ узналъ о намѣреніи государей заключить миръ съ турками, къ которымъ ради этого отправляется русскій посоль, то онъ и послалъ настоящую грамоту государямъ, „дабы ваша держава вы разумѣли сіе дѣло подлинно и, буде пріѣдетъ посоль, чтобы было и сіе дѣло между иными нужными предложеніями и запросъ о тѣхъ св. мѣстахъ, и чтобы писано было на письмѣ особно“. Досиоей выражаетъ надежду, что турки могутъ отнять св. мѣста у французовъ, такъ какъ послѣдніе не исполнили тѣхъ многихъ обѣщаній, какія они ранѣе давали туркамъ. Въ виду

этого Досиѳеѳ обращается съ такимъ воззваніемъ къ царямъ: „понеже преблагій Богъ, Царь царствующихъ, поставилъ васъ на землѣ божественнымъ своимъ промысломъ единыхъ православныхъ царей и самодержцевъ, вамъ убо и подобаетъ подвизатися въ настоящемъ дѣлѣ всякимъ образомъ, яко же и Великій Константинъ съ Сиваромъ царемъ персидскимъ, и потомъ Малый Θεодосій, и Левъ Великій, и Анастасій, и Устинъ, и Устиніанъ, и Маврикій и иные многіе учинили великія и многія войны православныхъ ради“. По примѣру ихъ Досиѳеѳ совѣтуетъ и русскимъ государямъ „покинуть миръ съ турками“, буде они не послушаютъ ходатайства царей о передачѣ св. мѣсть грекамъ, и турки въ виду такой угрозы уступятъ, такъ какъ цари „будутъ просить дѣла правдиваго, въ которомъ и самой ихъ вѣры ученые люди будутъ васъ оправдать“. Что же касается того, въ какой формѣ слѣдуетъ сдѣлать объ этомъ дѣлѣ представленіе турецкому правительству, то Досиѳеѳ прилагаетъ къ своей граматѣ къ царямъ и письменный образецъ того, въ какомъ родѣ должна быть послана грамота отъ государей къ турецкому правительству относительно св. мѣсть.

Государи отвѣчали Досиѳеѳу особою грамотою, въ которой писали: „слышавъ о отлученіи отъ восточнаго нашего благочестія св. мѣсть и раззореніи вашемъ по премногу и жалостно поскорбѣли есмы, и имѣемъ попеченіе неотмѣнное и молимъ Господа Бога, дабы изволилъ отъ такихъ бѣдъ и печалей милостиво васъ освободити и паки тѣ св. мѣста вашему блаженству вручити. А когда у насъ великихъ государей, нашего царскаго величества. дойдетъ съ Портою и Крымомъ до мирныхъ переговоровъ, и тогда мы великіе государи наше царское величество, при помощи Божіей о тѣхъ

о всѣхъ въ Іерусалимѣ св. мѣстахъ, чтобъ попрежнему вашему блаженству отданы были, говорить и въ запросы писать и притомъ стоять повелимъ, по письменному желанію блаженства вашего“. ¹

Между тѣмъ въ Сентябрѣ 1691 года, съ грекомъ Дмитріемъ Юрьевымъ Драко, Досиѳеѳ прислалъ государямъ новую грамоту о св. мѣстахъ, писанную отъ 18 Марта 1691 года и представляющую изъ себя воспроизведеніе предшествующей грамоты, относительно которой Досиѳеѳ опасался, что она могла не дойти до государей. Любопытно и характерно заключеніе этой второй грамоты Досиѳеѳа о св. мѣстахъ. Сказавъ, что визирь по той причинѣ отдалъ св. мѣста французамъ, „что москали пришли воевать Крымъ“, Досиѳеѳ пишетъ: „вы нынѣ, божественные самодержцы, будучи такіе заступители православныя христіанскія вѣры, и оставите святую церковь поспраться, какая вамъ похвала будетъ? Буде хотите послать сюда своего посла, то надобно просить прилежно и такимъ обычаемъ: буде васъ не послушаютъ, то и миру не для чего чинити, и нетоко миръ чинити, но и войну надобно и не малую, потому что Θεодосій и Устиніанъ и прочіе цари великіе войны вчиняли на персовъ для ради православія, и самъ Ираклій взялъ изъ Персиды и привезъ честнаго креста древо. Кольми паче вамъ надобно творити подобное, которые во всемъ подобны тѣмъ и силою и благочестіемъ. А буде станете предлагать о св. мѣстахъ и они васъ не послушаютъ, а вы тогда умолчите и миръ съ ними учините, то лучше ничего не предлагайте, потому что они станутъ разумѣти, что нѣтъ у васъ о Іерусалимѣ попеченія, и тогда во вѣки св. мѣстами завла-

¹ Греч. дѣла 7199 г. № 31; 7201 г. № 4; Снош. іер. п. Досиѳ. съ рус. прав. прил. № 1.

дѣютъ французы и мы впредь не возможемъ никакое челобитье на французовъ подавати. Токмо буде хотите предложить о Іерусалимѣ и буде они не послушаютъ, и вы миру не чините, но еще и войну начните, а буде вы о томъ предложите и они васъ не послушаютъ, и вы умолчите, лучше нынѣ ваше молчаніе... Александръ Великій не для ради Бога, но для ради однородныхъ своихъ на персовъ великую войну сочинилъ,—а вы для ради св. мѣстъ и единого православія, для чего не бдите и не труждаетесь и не отгоняете злыхъ сосѣдей, которые современемъ будутъ вамъ великіе враги!.. Досаждая вамъ отдали Іерусалимъ французамъ и васъ ни во что не ставятъ. Смотрите, какъ смѣются вамъ: ко всѣмъ государямъ послали грамоты, что учинился новый салтанъ, а къ вамъ не пишутъ ничего; раззорили Украйну и учинили съ вами миръ и ни въ чемъ постоянства не показали; они думаютъ, какъ умножатся въ Подоліи, поднять на васъ поляковъ и татаръ и воевать васъ день и ночь. Татарове гореть людей, а похваляются, что имѣютъ у васъ дань; сего ради, какъ татарове подданные туркамъ, такъ и вы потомужъ подданные имъ. Многожды вы хвалилися, что хотимъ сдѣлать то да другое, а всегда являлись только слова, а дѣло не являлось ничего. Нынѣ время, когда всѣ христіанскіе государи возстали... бдите, труждайтесь, радѣйте... А вы молчите и не дѣлаете ни Богу ни чловѣкомъ годное, а какъ станете дѣлати и миръ царству вашему причините и во всемъ мѣрѣ славу и честь получите, а народу православному великую помощь окажете и наконецъ въ царствіи небесномъ будете равноапостольни¹.

¹ 7200 г. № 1.

Эта грамота очень характерна какъ для самаго Досиѳея, такъ и для его отношеній къ московскому правительству. Въ ней Досиѳея очень рѣшительно вмѣшивается въ международныя отношенія московскаго правительства и смѣло не только совѣтуетъ, но и прямо настаиваетъ, при какихъ условіяхъ русское правительство должно заключить миръ съ турками и при какихъ начать войну. Какъ іерусалимскій патріархъ и притомъ грекъ, онъ смотритъ на міровыя событія и думаетъ опредѣлять самый ихъ ходъ съ точки зрѣнія тѣхъ маленькихъ событій, тѣхъ вѣчныхъ ссоръ грековъ съ папистами, какія происходили тогда въ Іерусалимѣ. Тамъ грековъ осилили тогда латиняне; значитъ русскіе, по убѣжденію Досиѳея, обязательно должны, не смотря ни на что, двинуть свои войска противъ турокъ, съ единственною цѣлю снова доставить грекамъ первенство въ Іерусалимѣ. Иначе, думалъ Досиѳея, и быть не можетъ: вѣдь извѣстные ему благочестивые греческіе цари Θεодосій, Юстиніанъ, Ираклій и другіе „великія войны вчиняли на персовъ для ради православія“, почему же такъ не поступать и благочестивымъ царямъ московскими, единымъ теперь православнымъ царямъ въ цѣломъ мѣрѣ? То обстоятельство, что благочестивые греческіе цари воюя съ персами, въ дѣйствительности воевали не только „для ради православія“, но и ради защиты и огражденія провинцій своего собственнаго государства, которыя раззоряли персы своими вторженіями, и что подобнаго условія для русскихъ государей, если бы они вздумали воевать изъ за іерусалимскихъ грековъ, вовсе не существуетъ,—это обстоятельство совершенно было опущено изъ вниманія цылкимъ и увлекающимся Досиѳеемъ, когда онъ совѣтывалъ государямъ начать съ турками войну „и не малую“, чтобы заста-

вить турокъ возвратить грекамъ отнятыя у нихъ латинянами св. мѣста и первенство въ Іерусалимѣ. Самый тонъ граматы Досиѳея тоже очень характеренъ: въ немъ слышится самомнѣніе грека, вообразившаго, что онъ лучше и тоньше можетъ судить и понимать истинное положеніе дѣлъ, нежели малообразованное и варварское, на взглядъ истаго грека, московское правительство, неумѣющее внушить къ себѣ даже у турокъ уваженія и почтенія. Досиѳея какъ бы стыдитъ его за слабость, недѣятельность и малодушную уступчивость предъ турками, за то, что оно на словахъ похваляется сдѣлать то-то и то-то, а на дѣлѣ ничего не дѣлаетъ...

Досиѳея прислалъ въ Москву и еще двѣ граматы относительно св. мѣстъ, одну, писанную 2 Сентября 1691 года и другую отъ 28 Іюня 1692 года. Въ первой изъ нихъ Досиѳея доводитъ до свѣдѣнія царей, что многіе изъ здѣшнихъ вельможъ удивляются и говорятъ: „какъ терпятъ о Іерусалимѣ Москва и ни въ чемъ не подвигнется ни моленіемъ, ниже силою?... Святое державное ваше царствіе, будучи и страшно и грозно и крѣпко, для чего терпите такое безчестіе въ православной церкви, наипаче когда здѣшняя страна трепещетъ и боится единаго вашего честнаго имени? Мы исполнили намъ должное, а Богомъ вѣнчанныя и преславныя и святыя ваши главы, имѣя о томъ извѣстіе, сотворите полезное, какъ все могущіе съ Богомъ совершить“. Во второй граматѣ Досиѳея извѣщаетъ, что онъ получилъ отвѣтную царскую грамату, посланную къ нему съ Маркомъ Константиновымъ, и заявляетъ, что онъ „и прочихъ великихъ престоловъ великія каеолическія церкви предсѣдатели“ убѣждены, что о св. мѣстахъ „всеконачно радѣти будетъ святая ваша держава, имѣя прикладъ приснопамятныхъ самодержцевъ право-

славныхъ, которые и словами, и дѣлами, и великими многолѣтними войнами потщались, во еже держатися св. мѣстамъ у православныхъ, — каторыхъ ни въ чемъ не менѣе вы, но наипаче превосходитъ святое ваше царствіе, понеже бояться васъ и трепещутъ изычныя и, на себя вашего нашествія бояся, шатаются“¹.

Въ Мартѣ 1691 года писалъ Досиѳея особую грамату и новому московскому патріарху Адріану. Въ ней онъ, поздравляя Адріана со вступленіемъ на московскій патріаршій престолъ, дѣлаетъ ему наставленія, какъ онъ долженъ надлежащимъ образомъ выполнять свои архипастырскія обязанности. „Молимъ Господа Бога, пишетъ онъ Адріану, да дастъ тебѣ просвѣщеніе и силу: едино убо—да испытуеши святая писанія и святые отцы ко знанію совершенному евангельскаго ученія; силу же, да поживеши по житію апостоловъ въ образѣ священнолѣпномъ, во одежди смиреннѣй, — свящци худой, въ попеченіи не сродниковъ и друзей, но всего христинитаго люда, бдя и труждаяся о всякомъ благочиніи перковнѣмъ, не опредѣляя патріаршескаго достоинства и патріаршескаго промышленія внутрь твоего великаго града, но простирая тое въ митрополіи же, въ епископіяхъ, въ монастырѣхъ, во градѣхъ же и весѣхъ“... Указывая затѣмъ рядъ примѣровъ, какъ греческіе императоры, побуждаемые патріархами, заботилися и обратили къ христіанству многіе народы, какъ они, побуждаемые патріархами, освобождали нападствуемыхъ отъ нечестивыхъ православныхъ христіанъ, говоритъ: „сиче подобаетъ и вамъ творити, сирѣчь, пещися о паствѣ о дальнемъ и ближнемъ, прирадѣти же образы всякими, да окружніи языцы по возможному приложатся во благочестіе. Папезницы, аще и вельми грѣшатъ во благо-

¹ 7201 г. № 1 и 13.

честіи, но, видимъ, монаси ихъ во всемъ мірѣ обходятъ и превращаютъ цѣлыя народы въ папешство. Толико же подобаетъ братіи нашей—тамошнимъ (т. е. русскимъ) монахомъ, имѣющимъ слабу и правленіе, пешися такимъ же образомъ о спасеніи многихъ“. Указывая потомъ на то обстоятельство, что православные всего болѣе страдаютъ въ Польшѣ отъ папешниковъ, Досиѳей сурово замѣчаетъ по адресу московскихъ патріарховъ „и вѣщная страдаютъ братія наша, иже суть въ Польшѣ, и вы храните, яко же Іона въ кораблѣ: и гдѣ есть, еже возлюбилъ ближняго своего яко ты самага?“ Сказавъ затѣмъ, что стремленіе синаитовъ подчинить свой монастырь Москвѣ несправедливо и незаконно, Досиѳей обращаетъ вниманіе Адріана на нѣкоторые безпорядки, существовавшіе въ кievской митрополіи. „У васъ архіереи и архимандриты, пишутъ онъ, носятъ митры, яко же и оный Гедеонъ кievскій содѣла златыя короны, хотя и той въ Кіевѣ величатся, яко же патріархъ, и сіе неправедно есть... Къ казакомъ приходятъ отсель нѣпці архіереи и хиротонисуютъ на единой хиротоніи многія діаконы и іерей—и чесо ради не возбраните таковаго нелѣпаго дѣла, чесо ради не повелѣваете митрополиту кievскому не попускати быти такимъ беззаконіемъ?“ Въ заключеніе Досиѳей пишетъ о пресуществленіи въ тайнствѣ евхаристіи, „ему же противоборствуютъ наипаче еретицы“ и доказываетъ, что православная церковь приняла и принимаетъ именно пресуществленіе, а не премѣненіе или преложеніе, хотя въ то время въ русской церкви вопросъ шелъ не о самомъ пресуществленіи, о чемъ у насъ никто не спорилъ, а только о времени пресуществленія ¹.

¹ Рукоп. сборн. спб. синод. библ. № 473, л. л. 146—153.

Посылкой однихъ грамотъ въ Москву Досиѳеей не ограничился. Онъ рѣшился отправить въ Москву свое довѣренное лицо, которое бы лично и обстоятельно разъяснило въ Москвѣ положеніе дѣлъ о св. мѣстахъ, побудило бы русское правительство на болѣе скорый и энергичный образъ дѣйствій предъ турками. Такимъ довѣреннымъ лицомъ Досиѳея, отправившимся въ Москву, былъ его родной племянникъ, архимандритъ Хрисанѳъ, сдѣлавшійся потомъ преемникомъ своего дяди на патріаршей іерусалимской каѳедрѣ.

13 Ноября 1692 года въ Москву прибылъ племянникъ и посланецъ Досиѳея архимандритъ Хрисанѳъ, съ которымъ Досиѳеей прислалъ грамоту государямъ. Въ ней онъ писалъ, что съ тѣхъ поръ какъ приходилъ въ Москву блаженнѣйшій патріархъ іерусалимскій киръ Паисій, уже лѣтъ сорокъ тому назадъ, только два архимандрита св. Гроба были присылаемы въ Москву, хотя и случались великіе мятежи отъ еретиковъ и многія обновленія церквей св. града и хотя великіе отъ того происходили расходы, однако никогда не посылали просить о помощи. Нынѣ же не могъ патріархъ умолчать долѣе, хотя бы и произошло отъ того какое бѣдствіе и, по нуждѣ, разсудилъ послать кого-либо къ ихъ царскому величеству. *Первое* потому, что пришли они въ такую крайность, что если неучинится помощи отъ ихъ святаго царствія св. граду, то дойдетъ до послѣдняго раззоренія, ибо все мѣста, откуда притекала къ нему помощь, раззорились и онъ лишился всякой помощи. *Второе*, такъ какъ случилась отъ еретиковъ напасть и взяты у православнаго народа святыя поклоняемыя мѣста, то нѣтъ иной надежды на исправленіе сихъ дѣлъ, какъ отъ царской державы, ибо цари, послѣ Бога, суть главы и отмстители всѣхъ пра-

вославныхъ. *Третіе*, есть и инья нужныя дѣла, касающіяся пользы всей католической вѣры и церкви и благосостоянія святѣйшихъ патріаршихъ престоловъ и, просто сказать, греческихъ народовъ. По сему послалъ патріархъ племянника своего Хрисанѳа, чтобы онъ донесъ царскому величеству о всѣхъ дѣлахъ, которыя для памяти ему записаны собственною патріаршею рукою, но вкратцѣ, а не пространно, ради многихъ случаевъ; онъ же, какъ вѣрный своему владыкѣ и Богу, изъяснить и объявить все, что ему приказано, по всякой статьѣ. Въ виду этого патріархъ просилъ, чтобы государи приняли Хрисанѳа какъ бы посланнаго отъ Бога и Христа, и спросили бы его пространно, и даровали бы ему свое блаженное слушаніе, воспріявъ ревность, какая подобаеть ихъ державѣ, о состояніи Христовой церкви и всей полноты христіанства.

Досиѳей прислалъ грамоту и царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ, умоляя ея оказать всякое содѣйствіе посланному имъ архимандриту Хрисанѳу. „Молимся прилежно, пишетъ онъ, преклоняя умственные колѣна наша предъ вашимъ царскимъ величествомъ, дабы приняли и выслушали его и приложили радѣніе, чтобы все, что донесетъ посланный, совершилось бы добрымъ исполненіемъ. Всѣ православные христіане имѣютъ обязанность подавать помощь матери всѣхъ церквей св. Іерусалиму—наипаче же православные и великіе цари и самодержцы“.

Писалъ Досиѳей особую грамоту и патріарху Адриану, въ которой проситъ его принять архимандрита Хрисанѳа „яко моего человека и сущаго у насъ святѣйшаго и апостольскаго престола лице носящаго, яко честна и мудра“, и затѣмъ переходитъ къ обсужденію положенія церковныхъ дѣлъ въ кievской митрополіи. „Россы на Украинѣ, пишетъ Досиѳей, аще и хранятъ православіе

неколебленно, обаче многіе обычаи православныхъ растлиша, отъ нихъ же суть нѣщии и до нынѣ держаще сія, въ нихъ же и еже хиротонисати архіерею многи діаконъ и іереи въ единѣй и той же литургіи. Еще же и нѣщии архіерее, бѣгающе отселѣ на Украину, отъ нихъ же большіи суть извержени за ихъ злобы, творятъ таяжде во мѣстѣ тамо приходяще, еже яко есть дѣло неподобно и весьма пребезаконно, — вопіють и законы и уставы и каноны и самое католическія Христовы церкви преданіе. Сущая же при васъ святая и католическая церковь, не вѣмы за что терпитъ бывати таковымъ... Надобно убо твоему блаженству пещися, еже бы имъ исправитися во беззаконной хиротоніи и во иныхъ нѣкихъ тамо беззаконно бывающихъ“. Далѣе Досиѳей указываетъ и тѣ способы, съ помощію которыхъ, по его мнѣнію, можно исправить недостатки, вкравшіеся въ церковную жизнь кievской митрополіи. Онъ рекомендуетъ именно увеличеніе числа архіерейскихъ кафедръ, и выражаетъ желаніе, чтобы епископы и архимандриты избирались изъ москвичей, какъ чуждые „новосѣченій, яже имѣютъ нѣщии козаки“. „И аще есть мысль нѣкихъ архіереевъ, продолжаетъ Досиѳей, яко аще поставятся и иніи епископы, умалятся нынѣшнихъ епископовъ приходы, глаголемъ: яко да сохраняются предѣлы, узаконенія и преданія св. церкви восточныя, имѣемъ нужду, за не преступленіе аще и мало, но имѣетъ велико мученіе,—и еже имѣти архіереемъ великія приходы, ненужно есть. Второе, яко архіерее святыхъ апостоловъ суть преемницы, яко же апостоли ничесого имѣша, и архіереи да имѣютъ мало. Третіе, за церковь пролилъ есть Сынъ Божій кровь свою, и не есть праведно архіереемъ лишшеимства ради умаляти или стужати церкви Божіи, ея же ради Христосъ умре.

Четвертое, не есть праведно взирати онсицы на прибытокъ, но на пользу и прибытокъ общій. Пятое, соборъ коеяждо католическія церкви незритъ, что глаголетъ онсица и что хочеть онсица и что годно онсицѣ, но что пользуется церковь и что годно Богу. Аще же кто любопрится, глаголемъ тому съ Павломъ, мы сицеваго обычая неимамы, ниже церковь Божія. И аще кто или нѣщы противоглаголють или преслушаютъ церковь, убо имѣеть тыя яко язычники и мытари, власть же наказуетъ, не бо суетно мечъ носить, но да добрыя снабдѣваетъ, тако противоглаголющія извергаетъ и низлагаетъ“.

Архимандритъ Хрисанъ подалъ отъ себя нашему правительству докладную записку, въ которой, согласно съ данною ему Досиѣемъ письменною инструкціею, старлся выяснитъ всѣ обстоятельства, благодаря которымъ и при которыхъ совершилось отнятіе св. мѣстъ у грековъ латинянами. Именно онъ заявлялъ: 1. Французы подарили нынѣшнему хану (крымскому) 10,000 червонныхъ и дорогаго сукна 2,000 арш., рейсь-ефендію — 25,000 ефимковъ, кегаю или дворецкому визиря — 15,000 ефимковъ и ближнему его человѣку — 10,000, а самому визирю и инымъ великимъ людямъ, хотя и невѣдомо сколько, однако гораздо больше вышереченнаго. 2. Турки отдали французамъ первенство въ кувукліи св. Гроба Господня, и по сему паписты служатъ тамъ мшу свою, и намъ никоимъ образомъ послѣ нихъ на томъ мѣстѣ литургисать нельзя. Кромѣ первенства при св. Гробѣ турки отдали латинянамъ половину св. Голгофы, также св. мѣсто Снятія со креста и еще св. Пещеру и кромѣ того всю церковь св. Виолеема. 3. Какъ совершилось самое отобраніе св. мѣстъ у грековъ и какія они бѣды при этомъ потерпѣли отъ латинянъ,

подробно описано въ донесеніи патріаршаго въ Іерусалимѣ намѣстника, которое Хрисанъ и представилъ. 4. Турки потому отдали св. мѣста католикамъ, что французскій король обѣщаль имъ свою помощь противъ нѣмцевъ. 5. Хотя католическіе государи и въ отдѣльности и вмѣстѣ не разъ домогались и прежде отнять св. мѣста у православныхъ, но турки не допускали этого. Теперь же они уступили настояніямъ французскаго короля и потому, что чаяли и чають, что тѣ св. мѣста держатъ святыя самодержцы; сего ради когда просили св. мѣста разные короли, то никогда не учинили по ихъ волѣ, какъ потому что это было противъ закона ихъ вѣры, такъ и потому, что боялись великихъ государей. А нынѣ какъ пришли въ нужду и притомъ войска самодержцевъ пришли въ Крымъ, нашли годную причину французы и говорили: видите, что и москали ваши непріатели, а мы вамъ помощники. И такъ какъ они (французы) имѣли къ тому же помощниками себѣ близкихъ людей визиря и самаго хана, то и склонились турки учинить по волѣ французской. Если бы войска православныя вовсе не приходили подъ Крымъ или бы пришедши одержали побѣду, не были бы отданы св. мѣста, потому что боялись сего дѣла нечестивые, а какъ увидѣли, что два раза возвратились, не совершивъ ничего, тогда ни во что ихъ вмѣнили и потому отдали. 6. Учинили это турки и по ненависти къ православнымъ, которыхъ всячески желаютъ искоренить, подозрѣвая ихъ въ симпатіяхъ къ Москвѣ. Послѣ нашествія православныхъ войскъ на Крымъ, турки наложили тяжкую дань на монастыри и на старцевъ.

Изложивъ причины и обстоятельства при которыхъ произошло отнятіе св. мѣстъ у грековъ, Хрисанъ въ слѣдующей статьѣ (весь докладъ Хрисанъ, сообразно

данной ему Досиеемъ инструкции, былъ раздѣленъ на четырнадцать статей) излагаетъ бѣдственное современное положеніе св. мѣсть и необходимость для нихъ царской помощи. 7) Св. Гробъ имѣетъ ежегодно расходовъ болѣе 25,000 рублей, и кромѣ того расходы временные: паши іерусалимскіе и визирь берутъ сколько хотятъ, особенно въ послѣднія смутныя времена въ виду ссоръ съ католиками. Однако св. Гробъ всегда могъ справиться съ тѣми расходами милостынею тамошнихъ грековъ, а наипаче — волошкаго и мултянскаго государства, потому что имѣемъ тамъ многіе монастыри, богатые вотчинами, а наипаче милостынею господарей молдовлахійскихъ, изъ которыхъ одинъ, Василій воевода, послалъ вдругъ въ Іерусалимъ 42,000 червонныхъ при патріархѣ Паисіѣ, когда тотъ имѣлъ споры изъ за св. мѣсть съ армянами. Да и при нынѣшнемъ патріархѣ нѣкто торговый грекъ Монолаки далъ 25,000 рублей и обновили церковь виолеемскую и, кромѣ того, многія св. ризы тому мѣсту сдѣлалъ. Такъ и покойный Щербанъ, воевода мултянскій и Дука, воевода воложскій, прислали въ Іерусалимъ болѣе 15,000 ефимковъ. И нынѣшній господарь мултянскій и нѣкоторые греки, сербы и болгары давали большую милостыню, кромѣ того, что самъ блаженнѣйшій патріархъ ходилъ межъ ними. А нынѣ мы всего того лишены отъ войны турецкой, нѣмецкой, польской и татарской. Сего ради молитъ блаженнѣйшій патріархъ, дабы явлена была ему нѣкая царская милость, достойная ихъ величествъ, которая бы могла пособить св. Гробу. Во первыхъ для того, что когда прежде сего было откуда получать милостыню, то и не просили ея отъ здѣшняго мѣста; а другая причина, что малою милостынею нічего не пособляется, а притомъ то дѣло учинить есть и обязанность ваша

христіанская, какъ Ап. Павелъ къ римлянамъ пишетъ (гл. XV, 24). Старцевъ папистовъ, которые живутъ въ Іерусалимѣ, не болѣе человекъ двадцати, а ежегодно приходитъ имъ милостыня отъ короля испанскаго по 6,000 рублей на кормленіе, которые имъ самъ присылаетъ кромѣ иныхъ. А нечестивые турки для гроба ложнаго ихъ пророка расходуютъ ежегодно болѣе 500,000 рублей, и хотя дѣло сіе кажется невѣроятнымъ, однако весь свѣтъ о томъ вѣдаетъ. При семъ молитъ святѣйшій патріархъ, чтобы святые цари приказали сдѣлать четыре лампы серебряныхъ, дабы одна была надъ св. Гробомъ, другая — надъ снятіемъ со креста, третья — надъ св. Голговою и четвертая — надъ св. Пещерою, и просить о томъ наипаче для того, чтобы слышано было во всемъ мірѣ и во всѣхъ королевствахъ, что есть попеченіе православныхъ царей о св. Гробѣ Господнемъ. Притомъ и господарь Тифлиса, дядя здѣшнихъ царевичей грузинскихъ, и тотъ болѣе 40,000 ефимковъ подалъ милостыни въ Іерусалимъ, кромѣ множества ризъ святыхъ, которыя при семъ патріархѣ устроилъ.

Въ слѣдующей статьѣ (8-я) Хрисанъ говоритъ о тѣхъ способахъ, которые слѣдуетъ употребить государямъ для возвращенія св. мѣсть. Если государи думаютъ продолжать войну съ турками, то статью о св. мѣстахъ между иными статьями слѣдуетъ предложить послѣ побѣды, когда турки несомнѣнно уступятъ требованіямъ царей. Если рѣшено окончить войну, то слѣдуетъ просить у турокъ св. мѣсть подъ угрозою возобновленія войны, если бы они отказались возвратить ихъ, хотя бы всѣ другія статьи мирнаго договора и приняли, причемъ слѣдуетъ поспѣшить этимъ дѣломъ, чтобы предупредить цесаря, который тоже будетъ про-

сйтъ св. мѣстъ при заключеніи мира съ турками. Угроза войны несомнѣнно подѣйствуетъ на турокъ и они уступятъ: „первое отъ того, что святое величество проситъ о дѣлѣ древнемъ и праведномъ, а не новомъ, ниже не праведномъ; второе, ибо и сами знаютъ, что напрасно отняли у насъ св. мѣста; третіе, сами говорятъ, какъ не явился никто изъ Москвы о томъ дѣлѣ ходатайствовать; четвертое же, если миръ заключится съ цесаремъ, французы уже не будутъ имѣть приступа къ туркамъ о томъ же; а пятое наипаче и то, что Богъ намъ помощникъ“. Въ заключеніе статьи Хрисанеъ заявляетъ, что вопросъ о возвращеніи св. мѣстъ есть главный и существенный, ради котораго онъ собственно и прибылъ въ Москву и что по этому вопросу онъ ждетъ немедленнаго царскаго отвѣта, чтобы сообщить его патриарху, другія же статьи менѣе важны, хотя тоже нужны.

Въ девятой статьѣ Хрисанеъ заявляетъ, что молдавское и воложское господарства всегда были полезны и оказывали великую помощь патриархамъ, архіереямъ и монастырямъ, а нынѣ сами крайне бѣдствуютъ, почему проситъ Константинъ, мултянскій господарь, чтобы святое величество промысль учинить изволили надъ городками турецкими, на Днѣпрѣ стоящими, и ихъ взять, дабы и бѣлгородскую орду разорить; тогда тѣ два господарства поддадутся царскому величеству безъ всякаго замедленія и въ этой надеждѣ будетъ выжидать время господарь мултянскій, который платитъ двѣ дани: одну туркамъ явно, другую нѣмцамъ тайно, чтобы не разорили его государства. За два года передъ тѣмъ, будучи принуждаемъ нѣмцами къ ихъ подданству, господарь бѣжалъ изъ своей столицы и нѣмцы пришли въ его господарство. Но онъ, призвавъ татаръ, выбилъ

нѣмцевъ вонъ и потомъ, чрезъ тайныя мѣста мултянскія, провелъ татаръ и турокъ въ седмиградскую землю, гдѣ они одержали ту побѣду, которою турки опять ожили. Дѣло сіе двухъ ради причинъ учинилъ господарь: первая, чтобы папезское дѣло не распространялось, другая же та, что постоянно надѣется, да будетъ господарство его во владѣніи у православныхъ, а не у еретиковъ; если же захотѣлъ бы съ нѣмцами согласиться, то уже по сіе время нѣмцы завладѣли бы всѣми тѣми странами даже до Дуная. При семъ и то приказалъ господарь: если войско пойдетъ на бѣлгородскую орду, то больше пятидесяти тысячъ казаковъ не надобно и въ одинъ мѣсяцъ могутъ всю орду разорить; когда же та орда разорится и городки, что на Днѣпрѣ, взяты будутъ, тотчасъ и онъ возстанетъ противъ поганныхъ и съ нимъ множество христіанъ совокупится, для сего далъ господарь и чертежъ бѣлгородской орды, который я (Хрисанеъ) объявилъ въ Посольскомъ приказѣ“. Далѣе Хрисанеъ заявляетъ: „мнѣ приказывали святѣйшій патриархъ и господарь, дабы и то я объявилъ, что турки и всѣ короли папезскіе и самъ цесарь суть великіе враги царскому величеству: турки, ибо вѣдаютъ, что сіе православное царство весьма просто и есть у нихъ пророчества, что отъ сего царства будетъ взятъ Царьградъ и имѣютъ они здѣсь множество подданныхъ магометанской вѣры; и такъ, если могутъ въ чемъ вредить Москвѣ, то великая имъ мзда отъ Бога. Паписты враждуютъ какъ еретики и къ тому завистливые, а поляки хотя притворяются, что друзья будто они государству московскому, однако радѣютъ, какъ бы учинить миръ съ турками, и между иными статьями одна имъ необходима, въ чемъ они единомысленны и съ цесаремъ: дабы когда Москва начнетъ

воевать поляковъ или поляки Москву, тогда бы полякамъ дать отъ себя помощь туркамъ и татарамъ. Сего ради подобаетъ царскому величеству радѣть о томъ, чтобы татаръ смирить въ нынѣшнее время, или промыслить такъ, что буде цесарь и поляки учинять миръ съ турками, то бы царскому величеству предупредить этотъ миръ, дабы не посмѣялись еретики, но сами осмѣяны были; о чемъ просить господарь мултянскій совершеннаго отвѣта отъ меня, чтобы и онъ зналъ, какъ себя управить и какъ дерзать, или явно склониться къ одной сторонѣ и вручить себя на волю Божию“.

Въ десятой статьѣ Хрисанъ пишетъ: „святѣйшіе патріархи и всѣ церкви восточные православные молятъ, чтобы въ такія времена устремилось православное царство къ отмщенію враговъ христовыхъ, поелику нынѣ время учинить то, что хочетъ, ибо если не учинится миръ между турками и папистами, то поганцы, будучи въ такомъ состояніи, истребятся, а поднимется папежская вѣра“.

Въ одиннадцатой статьѣ говорится: „просить блаженнѣйшій, чтобы царское величество приказали типографію еллинскую устроить, дабы въ ней нѣсколько книгъ на латиновъ напечатать, которыя привезъ я въ Москву. А книги суть древнихъ разныхъ мудрецовъ и съ великою трудностію собралъ ихъ блаженнѣйшій. Хотя есть у него новая типографія въ мултянской землѣ, однако не имѣетъ силы всѣ напечатать, а паписты не только не печатаютъ ихъ, но если гдѣ сыщутъ — жгутъ. А потомъ можно бы тѣ книги и на русскій языкъ перевести, отчего будетъ польза православнымъ, а еретикамъ посрамленіе, а царскому величеству всемірная слава“.

Въ статьяхъ двѣнадцатой и тринадцатой говорится о нѣкоторыхъ недостаткахъ церковной жизни въ кievской митрополіи, о чемъ Досиѣей уже подробно писалъ въ грамотѣ патріарху Адріану. Здѣсь же находится и такая просьба: „молятъ вообще всѣ патріархи и соборъ: буде случится заключить миръ съ турками, то предложить бы между статьяи и сію, дабы константинопольскій патріархъ не смѣняемъ былъ съ престола своего, какъ и прочіе патріархи, даже до смерти своей, и тогда лишь поставлять иного, когда умретъ, или самъ волею своею патріаршество оставить, или когда вообще всѣ патріархи или соборъ его низвергнуть, и такъ какъ иные патріархи не перемѣняются, то чтобы и онъ не смѣнялся, развѣ только по симъ вышечисаннымъ статьяи. Сверхъ сего дѣла надобно предложить и о томъ, чтобы ни монастыри, ни старцы дани не платили, какъ и прежде сіе было. Такія предложенія не трудны, потому что царское величество однимъ словомъ можетъ дѣло сіе совершить, и къ тому же запросы сіи совершенно правильны, ибо церковь константинопольская всегда помощію своею содѣйствовала церкви великія Москвы словомъ и дѣломъ и честію, и никогда никакой помощи не просила и нынѣ только по нуждѣ просить и то на словахъ. Персіяне [посылали прошлаго года къ салтану посла и между иными прошеніями предложили и нѣкоторыя новыя статьи о своихъ армянахъ; турки приняли ихъ и все исполнили, а святымъ царямъ для чего не заступиться за православныхъ?“ Въ послѣдней, четырнадцатой статьѣ, заключалась просьба, чтобы все, о чемъ ходатайствуетъ патріархъ, осталось въ тайнѣ, никому неизвѣстнымъ, въ противномъ случаѣ, если про ходатайства патріарха кто либо изъ имѣющихся

многихъ враговъ провѣдаетъ, имъ грозитъ конечное раззореніе.

5 Марта 1693 года великіе государи приказали объявить свой указъ архимандриту Хрисанѹ и сказать ему, призвавъ въ Посольскій приказъ, что о всемъ они извѣстисья изъ его донесеній и изъ писемъ святѣйшаго патріарха, и слыша объ отлученіи св. мѣстъ іерусалимскихъ отъ восточнаго благочестія и о тамошнемъ раззореніи христіанства, не мало о томъ поскорбѣли и имѣють о томъ свое государское попеченіе и Господа Бога молятъ, дабы избавилъ отъ такихъ бѣдъ и печалей святѣйшаго патріарха и освободилъ тамошнихъ благочестивыхъ христіанъ и тѣ св. мѣста опять ему патріарху и христіанамъ вручилъ. А когда у ихъ царскихъ величествъ дойдетъ съ турскимъ султаномъ и съ крымскимъ ханомъ до мирныхъ договоровъ, тогда великіе государи, при помощи Божіей, о всѣхъ тѣхъ въ Іерусалимѣ св. мѣстахъ говорить и въ запросахъ писать повелятъ, чтобы по прежнему отданы были святѣйшему патріарху и грекамъ. Архимандриту государи внушали написать патріарху о попеченіи ихъ великихъ государей о св. мѣстахъ и чтобы онъ, патріархъ, съ своей стороны всѣми способами домогался у тамошнихъ властей, сколь возможно будетъ, о возвращеніи ему всѣхъ св. мѣстъ іерусалимскихъ, какъ и прежде о нихъ промышляли и о иныхъ дѣлахъ тамошніе христіане греческіе, и своею онъ радѣніе при помощи Божіей, сколько воля Божія въ томъ ему поможетъ. Жалованье свое посылали къ святѣйшему патріарху соболями на 1,000 рублей и, по его желанію, приказали устроить въ Іерусалимъ ко Гробу Господню лампаду золотую въ 250 червонныхъ, и три лампы серебряныхъ, въ томъ числѣ одну во св. Пещеру, другую ко снятію со креста

св. Тѣла Спасителя нашего І. Христа, третію на св. Голгофу, вѣсомъ въ десять фунтовъ каждая. Мулянскаго воеводу Іоанна Константина за его радѣніе о дѣлахъ, предложенія и предостереженія великіе государи жалуютъ и милостиво похваляютъ; служба его и то предложеніе у нихъ въ забвеніи не будетъ, и чтобы онъ, архимандритъ, царскую сію милость воеводѣ объявилъ, когда къ нему возвратится изъ Москвы и чтобы впредь великихъ государей извѣщаль о всѣхъ дѣлахъ, какія въ тамошнихъ странахъ будутъ происходить. Касательно просьбы святѣйшаго патріарха объ устроеніи еллинской типографіи въ Москвѣ и напечатаніи присланныхъ имъ книгъ, великіе государи будутъ совѣщаться съ отцемъ своимъ богомольцемъ святѣйшимъ киръ Адріаномъ, патріархомъ московскимъ, и ему же указали разсмотрѣть о церковныхъ дѣлахъ на Украинѣ и послать о томъ свои грамоты митрополиту кіевскому и архіепископу черниговскому, чтобы въ ихъ епархіяхъ церковное дѣло во всемъ исправлялось по правиламъ св. апостоль и св. отецъ и по соборному уложенію. Касательно того, что просятъ святѣйшіе вселенскіе патріархи о неизмѣнномъ пребываніи константинопольскаго на его престолѣ и чтобы убогіе монастыри и старцы греческіе не платили дани, великіе государи, когда послы ихъ царскаго величества для мирнаго договора къ турецкому султану посланы будутъ, то повелятъ имъ домогаться о константинопольскомъ патріаршемъ престолѣ, чтобы въ такой же былъ свободѣ, какъ и прочіе и чтобы не брали дани съ монастырей“.

Этотъ отвѣтъ государей, вмѣстѣ съ царскою милостынею, Хрисанѹ въ Маѣ того же 1693 года послалъ къ Досиѳею съ своимъ старцемъ Аѳанасіемъ, который по происхожденію былъ малороссъ, ранѣе взятъ былъ

въ плѣнъ турками, а потомъ выкупленъ изъ плѣна однимъ іерусалимскимъ старцемъ и постриженъ въ монахи въ Іерусалимѣ.

Архимандритъ Хрисанъ пробылъ въ Москвѣ болѣе года и за все это время не переставалъ получать письма отъ Досиѳея, который сильно былъ заинтересованъ успѣхомъ посольства въ Москву своего племянника.

Патріархъ Досиѳей задумалъ собрать и напечатать всѣ вообще сочиненія греческихъ православныхъ церковныхъ писателей, по преимуществу полемическаго характера, чтобы, съ одной стороны, противопоставить трудамъ западныхъ ученыхъ труды ученыхъ православныхъ; съ другой, чтобы дать въ руки православныхъ сильное и надежное орудіе въ ихъ борьбѣ съ латинянами и протестантами. Съ этою цѣлю Досиѳей открылъ греческую типографію въ Яссахъ, въ которой и началъ печатать сочиненія греческихъ православныхъ авторовъ. Но средства ясской типографіи были слишкомъ недостаточны, чтобы осуществить грандіозное предпріятіе Досиѳея: напечатать по возможности сочиненія всѣхъ греческихъ православныхъ писателей. Тогда Досиѳей пришелъ къ мысли хлопотать предъ русскимъ правительствомъ, чтобы оно открыло греческую типографію въ Москвѣ, благодаря чему греческія книги стали бы печататься уже въ двухъ типографіяхъ одновременно — въ Москвѣ и въ Яссахъ. Въ этихъ видахъ Досиѳей, какъ мы видѣли, поручилъ архимандриту Хрисану сдѣлать отъ его имени представленіе русскому правительству о необходимости открыть въ Москвѣ греческую типографію и вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ съ Хрисаномъ и тѣ греческія рукописи, какія онъ намѣревался печатать въ Москвѣ въ первое время. Досиѳей сильно интересовался успѣхомъ этого дѣла. Въ письмѣ къ Хри-

сану Досиѳей пишетъ: „о книгахъ, чтобъ печатати, зѣло радѣй, понеже есть дѣло апостольское, и не только спасительное, но и славу великую вѣрѣ нашей причиняетъ, зане западные схизматики и еретики говорятъ, что послѣ Фотія патріарха никто не былъ мудрый человекъ у грековъ, а буде напечатаны будутъ толикіе книги, тогда увидятъ множество премудрыхъ и святыхъ мужей, того ради радѣй ты и труждайся“. Въ другомъ письмѣ къ Хрисану Досиѳей пишетъ: „отпиши къ намъ вѣдомость скоро, чтобы прислать къ тебѣ и прочіе печатные и непечатные (книги), чтобъ собралось то число книгъ. Сіе дѣло превосходитъ и седмь прехвальныхъ дивъ, и сія библіотека превосходитъ зѣло честію Птоломѣова“. Еще въ письмѣ къ Хрисану Досиѳей пишетъ: „потщися крѣпко о печатаніи книгъ, и буде напечатано, надписаніе такое надъ ними надпиши: Вивліотека списавшихъ православныхъ на обновленія латиновъ, книга 1—2-я и прочая... Здѣсь принесли печатъ и печатаемъ на латиновъ книгу ту, о которой вѣдаешь, потомъ господарь хочетъ печатать книгу Іоанна Дохтора“. Въ Маѣ 1693 года Досиѳей пишетъ Хрисану: „про книги, которыя послали въ Россію печатати, радѣй накрѣпко, чтобы они приказаны были печатать, и буде не могутъ они выбрать изъ нихъ, чтобъ ихъ прислать сюда и мы здѣсь изъ нихъ выберемъ, что надобно и напишемъ. А буде тѣхъ книгъ къ намъ послать невозможно, и мы пришлемъ сюда къ вамъ такого человекъ, который возможетъ изъ тѣхъ книгъ выбрать и написать, что къ печатанію годно и исправить ихъ совершенно“.

Согласно съ инструкціей и письмами Досиѳея Хрисанъ „радѣлъ“ въ Москвѣ о напечатаніи привезенныхъ имъ греческихъ рукописей, списокъ которыхъ онъ пред-

ставилъ въ Посольскій приказъ. 27 Марта 1693 года государи приказали отослать привезенныя архимандритомъ Хрисанеомъ книги къ патриарху Адриану съ указомъ, „чтобы всѣ тѣ книги велѣлъ принять и освидѣтельствовать, нѣтъ-ли въ нихъ какого пороку“. 3 Апрѣля состоялся новый царскій указъ, въ которомъ говорилось, что іерусалимскій патриархъ Досиѳей чрезъ своего архимандрита Хрисанеа просилъ государей „на Москвѣ устроить типографію еллиногреческую и нѣсколько книгъ на противниковъ церкви Божіей латиновъ напечатать, а тѣ де латинскіи паписты тѣхъ книгъ нетокмо печатають, но гдѣ сыщутъ для искоренѣнія всѣ жгутъ; а по напечатаніи возможно тѣ книги и на словенскій языкъ перевести, отъ чего будетъ всѣмъ православнымъ христіанамъ многая и великая польза, а имъ, великимъ государемъ, отъ Господа Бога мзда, а отъ народовъ всемірная слава“,—въ виду чего государи указали привезенныя Хрисанеомъ восемнадцать книгъ и росписи ихъ отдать въ патриаршій Казенный приказъ, и „принявъ тѣ книги освидѣтельствовать и совѣтовавъ съ ними, великими государи, великому господину святѣйшему киръ Адриану архіепископу московскому и всеа Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патриарху, велѣтъ тѣ книги напечатать, сколько ихъ будетъ надобно и пристойно на греческомъ языкѣ на печатномъ дворѣ, выправя по достоинству, какъ подобаеть такимъ книгамъ въ печатномъ тишеніи быти, и для той выправки тѣхъ книгъ и подлиннаго объ нихъ объявленія, указали великіе государи быть у того дѣла тому присланному іерусалимскаго патриарха архимандриту Хрисанеу, да съ нимъ учителемъ еллиногреческаго языка іеромонахомъ Іоанникію и Софронію Лихудіемъ. Да и на словенскій языкъ тѣ книги, какъ будутъ напечатаны на Москвѣ съ гре-

ческаго письма, указали великіе государи перевести на печатномъ же дворѣ по разсмотрѣнію евожъ великаго господина киръ Адриана московскаго и всеа Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патриарха, кому доведетца и кому пристойно“.

Получивъ отъ Хрисанеа извѣстіе, что московское правительство готово напечатать присланныя имъ книги, Досиѳей отъ 10 Августа 1693 года посылаетъ московскому патриарху Адриану благодарственную грамоту, въ которой пишетъ: „благодарствуемъ яко благоволилъ еси почтити патриаршескій божественный санъ, понеже попекся еси о всѣхъ церквахъ Божіихъ и подвигъ совершилъ еси яко добрый пастырь, еже напечататися книгамъ, церквамъ Божіимъ нужнѣйшимъ, яже отцы наша святіи списаша ко отверженію утверждений и во всю высоту возносимыхъ на разумъ Божій, зане чрезъ тыя книги состоится благочестіе, и свидѣлствуютъ древнюю и отеческую и апостольскую мысль православныя святыя вѣры нашея, и отвергаются безбожный папешства догматы; сія православніи, яко оружія употребляюще, заключаютъ уста глаголющихъ хульная, и, наконецъ рещи, благочестіе держится и нечестіе отвергается яже вмалѣ не погибоша, яко иногда погибоша драхма. И вы, богопочтенніи, полагаете тыя въ свѣтъ, почитающе Христа и общую мать и питательницу святую Христову церковь. Сія ваша честь, сія ваша слава, сіе царства высота, враговъ низложеніе и, наконецъ, жребій освященный, яко да сподобитися стоянія въ горнемъ Іерусалимѣ сущаго апостоловъ и пророковъ“...

Отъ 22 Октября 1693 года прислалъ Досиѳей благодарственную грамоту и государямъ. „Прославляется глава церковная, пишетъ онъ, Христось Богъ нашъ,

державнѣйшіе и святые владыки наши, что сохраняемое въ длани Его сердце ваше источило слово благое, повелѣвъ напечатать книги благочестивыхъ писателей на нечестивыхъ папистовъ, дабы церковныхъ догматовъ богословіе сохранилось во вѣки истинно и непоколебимо. Ибо какъ священныя главы ваши вѣнчаны златомъ и блестящими камнями, такъ и умы ваши украшаются евангельскимъ и отеческимъ ученіемъ; ибо вы явили себя учениками и сопричастниками тѣхъ, коихъ вѣщаніе протекло во всю землю, и вождями всего народа христіанскаго ко благочестію, изъяснивъ слова истины, нѣкоторымъ образомъ утаенныя; ибо вы раскрыли благочестіе и живописали православіе, и какъ свѣтила, сіяющія всѣмъ вѣрнымъ, возсіяли и церквамъ, обуреваемымъ ложною мудростію и прелестями папезскими; руку помощи подали и истинные догматы въ напечатанныхъ книгахъ истиннаго богословія утвердили. Слово сіе, когда мы пришли сюда (грамата писана изъ Адрианополя, куда Досиѳей прибылъ изъ Молдавіи) дошло до слуха святѣйшаго вселенскаго цариградскаго патріарха и блаженнѣйшаго папы и патріарха александрійскаго и всего великаго и святаго собора константинопольскаго, и всѣ здѣсь обрѣтающіеся учителя, архимандриты и игумены и весь клиръ и весь народъ православный похваляютъ и ублажаютъ васъ, божественнѣйшіе самодержцы, и говорятъ всѣ они и мы вмѣстѣ съ ними, чрезъ сіе смиренное наше донесеніе, съ дерзновеніемъ и единогласно: что благоволеніемъ Божиимъ чрезъ благовѣнчанныхъ благочестивыхъ царей нашихъ Іоанна и Петра, поборниковъ православія и отмстителей благочестія, все сіе совершилось. Исполняются радости уста наша и языкъ нашъ радованія, что чрезъ посредство пространнаго оглашенія печатной хартіи, языки право-

славныхъ возглаголютъ оправданія Божіи. Что можетъ быть лучше, какъ соблюсти древнюю красоту церковныхъ дѣлъ и что болѣе исполнено радостію? Поелику губительные паписты вняли оклеветанію вавилонскихъ жрецовъ, которыхъ обличаетъ и пророчество: изыде беззаконіе отъ іереевъ вавилонскихъ, ибо, вмѣсто христіанскаго дѣйствованія, поддерживаютъ начало папезское, римское, и чрезъ то дѣлаются изобрѣтателями злочестивыхъ догматовъ и, имѣя уста свои исполненными клятвы и горести, славу себѣ снискали побѣждать только въ злыхъ дѣлахъ, имѣя языкъ хульный и перо имъ служащее и печати многія, чтобы печатать свои беззаконныя писанія, противящіяся истиннымъ глаголамъ Божиимъ, чѣмъ возмутили многія православныя церкви и погубили ихъ, посѣявъ куколь вмѣсто пшеницы на церковныхъ нивахъ и вино смѣшавъ съ водою; они помыслили ближняго своего напоить мутнымъ питіемъ; какъ настоящіе аравійскіе волки, медвѣди и леопарды кожу овчюю носить притворились и истину въ ложь притворили, по слову пророческому: яйца аспидовъ растерзали и паутинную ткань соткали, и кто будетъ яйца ихъ сокрушать и ѣсть, змѣя въ нихъ обрѣтетъ — василиска, наполненнаго ядомъ и смертоноснымъ дыханіемъ, поелику такъ все беззаконныя паписты извратили и едва ложь не побѣдила истины. Сего ради и не потерпѣли вы, благочестивѣйшіе и кротчайшіе и храбрѣйшіе наши государи, чтобы въ ваше время такая губительная прелесть пребывала во дворѣ Господнемъ, но вы благоволили истребить ее, чтобы благосостояніе церковное пребывало непоколебимо. Вы указали великое сіе дѣло: напечатать богословскія священныя книги, дабы, сотканное беззаконными изъ терновыхъ нитей гнойное лжеученіе,

разорвать и истребить, хитонъ же православія распространить“¹.

Такъ радовался Досиѳей, такъ горячо благодарилъ онъ царей и патріарха Адріана за рѣшеніе напечатать въ Москвѣ присланныя имъ греческія книги, придавая этому дѣлу обще-православное значеніе, видя въ немъ залогъ крѣпости и даже будущей побѣды православія надъ латинствомъ. Но на дѣлѣ печатаніе греческихъ книгъ въ Москвѣ не состоялось и, между прочимъ, по винѣ самаго Досиѳея. Для веденія этого небывалаго дотолѣ въ Москвѣ дѣла требовались свѣдующіе люди, которые бы могли исправить привезенные Хрисанѳомъ списки греческихъ книгъ, заключавшіе въ себѣ разныя ошибки. Правда такіе люди въ Москвѣ нашлись, это были извѣстные учителя славяно-греко-латинской академіи греки братья Лихуды, присланные ранѣе въ Москву для учительства самимъ Досиѳеемъ. Но Лихуды поссорились въ Москвѣ съ Хрисанѳомъ, который нажаловался на нихъ своему дядѣ². Тогда Досиѳей на-

¹ Греч. дѣла 7201 г. № 4 и 38; 7202 г. № 20; Греческіе статейные списки № 12, л.л. 1028 — 1030, 1070. — ² По приѣздѣ въ Москву Хрисанѳъ остался недоволенъ тѣмъ положеніемъ, въ какое его поставили въ Москвѣ, какъ патріаршаго посланнаго, по какому поводу онъ и обратился къ патріарху Адріану съ особою челобитною. Въ ней онъ прежде всего молилъ патріарха «перво, да простиши мя за дерзость и второе, да благоволиши мя съ тихостію послушати и изреку дѣло вкратцѣ, не съ намѣреніемъ яко бы знати мнѣ предъ вашимъ святѣйшествомъ какія либо обычаи церковныя, но токмо объявити оправданіе блаженнѣйшаго моего владыки и патріарха» (т. е. Досиѳея). Затѣмъ Хрисанѳъ разсуждаетъ, что мірской чинъ измѣняется, «духовный же чинъ, яко даръ пресвятаго Духа, присно пребываетъ недвижимъ и не премѣняется ниже отъ благополучія, ниже отъ злополучія; и понеже всякій чинъ имѣетъ степени, ими же состоится, имѣетъ и духовный чинъ разныя степени». Соотвѣтственно этимъ чинамъ святыя отцы и древніе «мѣста и стоянія» утвердили и между ними и такой обычай: «егда кой патріархъ пошлетъ къ иному патріарху и патріаршескому престолу о какомъ либо дѣлѣ нужномъ и дастъ ему такой прономій, яко носити лице патріаршеское, аще случится при немъ нѣкій церковный соборъ, сидитъ той, который носити лице патріаршеское, выше и митрополитовъ, и под-

стоялъ предъ московскимъ правительствомъ, чтобы Лихуды, какъ люди очень не благонадежныя, были удалены не только отъ книжнаго дѣла, но и отъ учительства въ школѣ, вслѣдствіе чего все это такъ много обѣщавшее было дѣло—печатаніе въ Москвѣ древнихъ греческихъ рукописей, заглохло потомъ само собою.

1-го Января 1694 года государи послали, съ возвращавшимся изъ Москвы Хрисанѳомъ, особую грамоту, въ которой извѣщали его, что исполнять разныя прошенія патріарха, заявленныя чрезъ его архимандрита, что они посылаютъ молостыню и лампы къ св. Гробу и когда у нихъ, великихъ государей, дойдетъ съ тур-

писываетъ по чину своего патріарха, аще и іеромонахъ токмо будетъ. На прочихъ же повсядневныхъ собраніяхъ не точно выше тѣхъ, которіи тогожде чина, но и выше епископовъ, яко же частый обычай константинопольскій являетъ». Выяснивъ эту мысль Хрисанѳъ говоритъ, что и его Досиѳей послалъ въ Москву не просто «грамотоносца, но самое свое лицо, понеже явно пишетъ въ грамотѣ вашему святѣйшеству сице: да примещи его яко сущаго при насъ святѣйшаго и апостольскаго престола лице носящаго». Въ виду этого Хрисанѳъ заявляетъ, что онъ проситъ отъ патріарха Адріана ничего нибудь особаго, «точію предпочтенія всѣхъ архимандритовъ святѣйшаго сего престола и сіе вмѣстныхъ за удобѣе, яко же и отъ святѣйшаго вашего повелѣнія дадеся ми сицевый входъ, послѣди же, невѣмъ чесо ради, иначе послѣдова чинъ». Проситъ онъ этого ради того, что носити лице патріарха іерусалимскаго, онъ не проситъ и не ищетъ чести для себя лично, а ради св. Гроба и апостольскаго патріаршаго престола, проситъ вещи не новыя и не обычныя, «но точно древнія и отъ церкви утверженныя и святыя»; ищетъ онъ этого не по своей волѣ, но въ силу слѣдующаго собственноручно даннаго ему Досиѳеемъ предписанія: «яко убо архимандритъ престола, подобаетъ тебѣ просити, да будещи сидѣти выше всѣхъ архимандритъ мѣста, еще же и выше епископовъ на трапезахъ и собраніяхъ; аще кій соборъ будетъ мѣстный, яко мое лицо, и выше епископовъ по древнему обычаю святыя Христовы коволическія церкви; аще же возмнать иначе, невходи въ таковую собранія. Сія приказанія, заявляетъ Хрисанѳъ, вся суть владыки моего святѣйшаго. Егда услышитъ владыка мой: угодно-ли явится ему, яко повелѣніе пріяхъ отъ вашего блаженства сидѣти подъ чудовскимъ архимандритомъ, или подъ инымъ которымъ, яко же слово бѣ?» Въ заключеніе челобитной Хрисанѳъ говоритъ: «къ сему ино не глаголю, токмо яко повинуюся, повелѣнію вашего святѣйшества, яко повелѣнію божественному, и не токмо ниже архимандритовъ, но буду нижайшій и малыхъ твоихъ рабовъ, понеже толико имѣю быти подъ единымъ, елико и

скимъ салтаномъ до договоровъ, тогда о св. мѣстахъ, чтобы они святѣйшему патріарху и грекамъ были опять отданы, своимъ посламъ о томъ говорить повѣлять.

Посольство Хрисанеа въ Москву и взятое на себя обязательство нашимъ правительствомъ исполнить предъявленные къ нему Досиѳею разнымъ требованія, и, особенно, обѣщаніе хлопотать предъ турецкимъ дворомъ о возвращеніи грекамъ отнятыхъ у нихъ св. мѣстъ, побуждало Досиѳея, не смотря на неблагопріятныя обстоятельства, вытекавшія изъ враждебныхъ отношеній Россіи къ Турціи, поддерживать съ Москвою постоянныя близкія сношенія. Такъ отъ 20 Іюня 1698 года

ниже всѣхъ, и къ тому ничесо имамъ рещи, ниже ходатая имамъ представить къ твоему блаженству».

Впрочемъ указываемое Хрисанеомъ недоразумѣніе не помѣшало ему войти съ патріархомъ Адріаномъ въ близкія и даже дружескія отношенія, которыя продолжались и по выѣздѣ Хрисанеа изъ Москвы въ 1694 году, когда онъ прожилъ въ Батуринѣ цѣлый годъ, откуда и посылалъ Адріану разные письма. Такъ письмомъ отъ 20 Мая 1694 года изъ Батурина, гдѣ Хрисанеъ захворалъ, онъ сообщаетъ патріарху Адріану, что Досиѳей прислалъ къ нему грамоту, въ которой «новыхъ вѣстей не пишетъ», только извѣщаетъ, что новый визирь «бѣснуется противу христіанъ; онъ же, окаленный, разрушилъ и церковь нѣкую, стоящую близъ патріаршаго двора царградскаго, а создана была отъ древнихъ царей, священниковъ же тоя на каторгу посадилъ. Нѣкто же изъ православныхъ устремился на обличеніе его, и обличалъ явленно предъ всѣми нечестіе его; визирь же повелѣ его жестоко мучити, дабы отречься Христа спасителя нашего и вѣровалъ бы въ Мохомета ихъ. Добродѣтельный же Христовъ воинъ весьма не покорился имъ, наконецъ мечемъ кончину прія и въ морѣ ввергоша его, дабы его тѣла христіане не взяли. Еще во градѣ Критѣ оклеветали врази нѣкоего епископа туркамъ, что будто онъ къ венецкому князю отписывалъ вѣсти турецкія, и за то того епископа безъ всякаго испытанія нечестивѣи люто замучиша. И больше сего патріархъ іерусалимскій ко мнѣ не писалъ».—Отъ 8 Августа 1694 г. Хрисанеъ писалъ изъ Батурина Адріану: «сицвое дерзновение (т. е. переписка съ Адріаномъ) иматъ вину, за не пріемляя отъ тебе послѣднее благословеніе, повелѣлъ еси дати мнѣ вѣсть вашему блаженству, егда уготоваюся изыти отсель, сирѣчь, изъ малороссійскихъ городовъ», почему теперь извѣщаетъ, что рѣшается выѣхать въ Сентябрѣ, ибо нашелъ многочисленныхъ и надежныхъ понутчиковъ грековъ, и затѣмъ пишетъ: «молю же и прошу о сихъ двухъ ваше святѣйшество: о единомъ—да иматъ всегда попеченіе ваше блаженство о дѣлѣ св. Гроба живопріемнаго вѣчныя ради мзды пренебесныя и всемір-

онъ пишетъ государю грамоту, въ которой говоритъ прежде всего о томъ впечатлѣніи, какое произвело на востокѣ всюду разнесшееся извѣстіе о путешествіи московскаго государя за границу. „Вопреки всякаго чаянія, пишетъ Досиѳей, услышали мы здѣсь о отшествіи вашемъ въ иностранное государство, а причины тому мы не вѣдаемъ, вѣдаетъ одинъ только Богъ и святая душа ваша, въ которой дѣйствуетъ преестественно самъ Господь. Однако мы и весь соборъ церковный нашего народа съ его старѣйшинами приложили молитвы къ молитвамъ, частыя эктеніи, колѣнопреклоненія на божественныхъ литургіяхъ и прочее, чѣмъ благо-

ныя славы; о второмъ же, яко да и во грядущее изъ вашего благоутробнаго залога мою смиренность неизвержеши. Знаменованія новыхъ вѣстей нѣсть, но токмо патріархъ Діонисій константинопольскій премѣнися и паки Каллиникъ патріархъ возведеса. Святѣйшій же мой владыка живеть нынѣ въ Царѣградѣ... О печати книгъ ваше святѣйшество вѣмъ, яко печется, сего ради и недокучаю паки». Получивъ грамоту отъ патріарха Адріана, Хрисанеъ отъ 20 Августа 1694 года пишетъ: «азъ на мнозѣ недоумѣваяся и размышляя: кто есмь азъ и яковый ко мнѣ пишай? Весь недоумѣніи быхъ, содержимъ отъ нечаяннаго и не вѣровахъ очесемъ моимъ, яко бы неправо зрѣти имъ и глаголахъ: кто возвѣститъ мнѣ, яко прислася священное писаніе отъ вашего святѣйшества архипастырскаго... Новаго вашему святѣйшеству достойнаго неимамъ возвѣстити, но токмо молю паки, яко да будетъ мое смиренность подъ покровомъ вашего благопріятнаго архипастырскаго благоутробія». Отъ 24 Октября 1694 года изъ Батурина Хрисанеъ извѣщалъ патріарха Адріана, что и вторую патріаршую къ нему грамоту онъ получилъ, получилъ и даръ—Евангеліе для Гроба Господня, «дѣло достолѣнное и даръ достоудолжный», и затѣмъ пишетъ «благодарствіе да будетъ святому Богу, яко пріиде и печать, тако же и прочее совершенство пріиде же ко Архагенгельскому городу; яко же на знамена мнѣ прирадивый рабъ вашъ Николай Спаѳарій. И въ семь Божіемъ дѣлѣ вашего всесвятѣйшества имя безсмертно иматъ быти и честь всемірная, мзда отъ самаго Бога несравненная. Сего ради и лѣно есть вашему все святѣйшеству радостію одержиму быти, яко же Соломону о совершеніи храма его: Давидъ нача соиздати храмъ, но услыша, яко иному дѣло то ведеса; нача и блаженной памяти святѣйшій патріархъ Киръ Іоакимъ учинити школу и печать, но Богъ благоволи симъ воспріяти совершеніе благо и полезно при братѣ и преемникѣ того, при нашемъ, глаголю, всесвятѣйшествѣ. И аще препятія видятся многи, обаче аще добрая и полезная дѣла были бы скороудобно, не достохвальны бы были. Радуйся прочее духомъ всесвятѣйшая моя главо, яко обрѣтеса храмнина отъ

угождается и умоляется Богъ, чтобы даровалъ вашему христоролюбивому державству благое исполненное спасеніе во свояси. Поганцы здѣшніе чаяли, что пришествіе вашей священной особы будетъ здѣсь въ Византію для разузнанія о всякихъ дѣлахъ, а наипаче потому, что печетеса о художникахъ и иныхъ потребныхъ вещахъ, дабы устроить надлежащее приготовленіе и начать войну для избавленія грековъ. Англичане сказали намъ иное слово, сладостное не только для слуха, но и по самому дѣлу т. е. божественный самодержецъ сѣверныхъ странъ сказалъ королю аглицкому, что въ лѣто 1700-е будетъ пѣть молебень въ храмѣ св. Софіи. Мы, слышавъ сіе, и первенствующіе съ нами святители, не могли иное что учинить, какъ воздать славу

Бога составити сичевое и полезное дѣло всему православному роду. Будетъ все совершенно печися блаженнѣйшій мой владыко, яко же благоволѣ еси, еже бы человѣка довольнаго во ученіи прислати, который могъ бы и школу держати и книги исправляти, и будетъ вашему всесвятѣйшеству рабъ и подножіе ногъ вашихъ И присланъ будетъ такимъ поведеніемъ, что въ маломъ времени Божією помощію совершенныхъ учителей поставитъ изъ первыхъ учениковъ, и потомъ паки возвратится воевою. И присланы съ нимъ будутъ грамоты имянно къ великимъ государямъ и къ вашему святѣйшеству. На послѣдокъ же о дву твое блаженство молю: перво, что если сіи проклятіи волцы (т. е. Лихуды) избавятся, еже небуди, въ школу бы паки не входили, за то что злѣй всегда золь и добра отъ него не будетъ. И о второмъ молю, чтобы школа не праздна была, но чтобъ прежде реченніи ученицы ученіе давали (разумѣть учениковъ академіи Николая Семенова и Ѳедора Поликарпова), сколько сами пріяли и доволенъ есть рабъ вашъ Николай таковое дѣло управлять, дай Боже и другимъ только научитися, елико словесность его знаетъ. И аще ваше святѣйшество о иныхъ учителяхъ сумнѣвается, благоволи спросити Николая Спаарія, яко ученаго человѣка и правдиваго, за что и блаженнѣйшему владыкѣ крайній другъ и не учинитъ лицепріятства предъ вашимъ лицомъ крайнимъ ни о сихъ (т. е. Лихудахъ), ни о хотящихъ быти. И о прочихъ тако имать совершитися, яко же благоволилъ еси во священныхъ вашихъ писаніяхъ назнаменати. Азъ же закоснѣхъ здѣ ради пренснаго господина гетмана, обаче нынѣ взяхъ волю отъ него и вашими святѣйшими молитвами на сихъ дняхъ изыду въ Молдавію, откуда паки вашему святѣйшеству чрезъ смиренное мое писаніе поклонюся». — Хрисанеъ исполнилъ свое обѣщаніе. Отъ 25 Сентября, но уже 1696 года изъ Волохъ, онъ пишетъ Адриану: «новыхъ вѣстей, достойныхъ вашему святѣйшеству, мало, токмо что у цесаря съ турецкимъ султаномъ былъ бой и учини-

имени Божію предъ Богомъ и Отцемъ Господа нашего Іисуса Христа, да видимъ исполненіе такихъ рѣчей. Но между тѣмъ опять облакъ мрачный скрылъ солнце надежды нашей и сдѣлалъ дни наши днями темноты, скорби и печали, потому что пріѣхали сюда посланные изъ аглицкой и голандской земли, возвѣщая здѣшнему властителству, что римскій тираннъ чрезъ нѣкоторыхъ своихъ іезуитовъ писалъ здѣшнимъ папистамъ, что преславный царь великой Россіи поѣхалъ съ немногими людьми въ Англію, а оттуда будетъ и у него; а иные иначе говорили, а другіе и написали, возвѣщая какъ нѣкогда инописменники съ идолами своими противное на израиля, суемудрствуя и ожидая нѣчто отъ вашей

лася толико великая щета между ними, однакожъ на томъ бою убито турковъ съ пятнадцать тысячъ, а нѣмцовъ съ четыре тысячи... Да благодарствуютъ нѣмцы вашу святую Богомъ вѣнчанную державу для того что если бы не было препятія татарамъ, цезарь былъ бы разоренъ отъ агарянъ, и праведно есть вашему величайшему царству что восхощеть, да просить у цесаря».

Съ своей стороны и патріархъ Адрианъ послалъ отъ себя письма къ Хрисанеу. Въ одномъ изъ нихъ онъ такъ пишетъ Хрисанеу: «о святомъ Душѣ сыну и сослужителю нашея мѣрности святаго и живопремнаго Гроба преподобному архимандриту Хрисанеу здравія, спасенія и благопосищеніе о Господѣ желаемъ. Наша мѣрность елижды слышавши отъ писаній вашихъ всякаго благосердія и благожелательства къ намъ исполненныхъ, купно же и о вашемъ здравіи и мирномъ пребываніи знаменательныхъ, толижды паче духомъ порадовахомся, сугубая самому Спасителю нашему благодаренія, яко вѣдущему благочестивыя своя отъ напасти избавляти, и яко Ноя проповѣдника правды въ ковчезѣ божественныя своя благодати отъ потопа воды не постоянныя соблюдать, на нечестивыя же абіе мечъ ярости навести, исповѣдающе, яко тако есть, по апостолу, воля Божія благотворящимъ обуздывати безумныхъ (или нечестивыхъ паче) человѣкъ невѣжество. Къ симъ же изряднѣ блаженнѣйшаго патріарха св. града іерусалима господина Досіоея, нашея мѣрности любезнаго брата и сослужителя, сладкѣ и братственнѣ цѣлуемъ, молящеса Богу святому, во Троицѣ славимому, да сохранитъ его здрава... Присланная же прежде и со отцы сущими изъ обители св. Іоанна Богослова, еже есть лѣствицы іерусалимскія, лагалище съ гребнями, пріяхомъ и не хотяще, и благодарствіе творимъ его блаженству и твоей святынѣ, яко сущу такому разстоянію и таковымъ обстояніемъ, благоизрадная его память сущія о Христѣ къ намъ братственныя любви апостольски хранима есть».... Не переплетенный сборникъ Москов. синод. бібліотеки № IV, № 10, 20, 22, 23, 25, 26, 28.

поклоняемой державы¹. А верховныя всѣ власти восточныя церкви и мы сами... были въ такой печали, что отъ созданія міра еще не видало солнце такихъ печальныхъ, съ рыданіями воздыхающихъ изъ глубины сердца. Но посѣтилъ насъ Господь Богъ и пріѣхалъ къ намъ въ Тарговистъ Родіанинъ, называющій себя вѣрнымъ рабомъ вашего святаго царствія, который сказалъ намъ болѣе утѣшительныя вѣсти о вашемъ величествѣ и правдоподобныя причины, ради коихъ изволили путешествовать, и при томъ извѣстилъ о здоровіи и спасеніи вашемъ. По сему утѣшились мы и христоролюбивый Господарь и чрезъ грамоты наши утѣшили иныхъ и умножили моленія къ Богу о вашемъ величествѣ“.

Въ той же грамотѣ Досиѳеѣй пишетъ, что имъ получены извѣстія, будто между турками съ одной стороны, австрійцами, венеціанами и поляками съ другой, рѣшено заключить миръ и говорятъ, „что будто и ваша божественная держава содержится въ томъ же договорѣ о мирѣ“, чему Досиѳеѣй рѣшительно отказывается вѣрить. „Мы чаемъ, пишетъ онъ, что все сіе басни и вымыслы, далекіе отъ истины, ибо вѣдаемъ, что священная глава ваша исполнена разума, мудрости и любви, — и можно ли, приуготовивъ толикія дѣла для избавленія рода нашего, что бы ты искалъ примириться?.. Не терпимъ надежды и ожидаемъ чрезъ ваше сильное царство

¹ Здѣсь Досиѳеѣй намекаетъ на распространившіеся тогда за границей слухи, которые особенно усердно разносили повсюду іезуиты, что будто бы Петръ Великій рѣшился соединиться съ римскою церковію. Относительно этихъ слуховъ Теофанъ Прокоповичъ замѣчаетъ, что они съ 1700 г. распространены были іезуитами и другими католическими духовными въ разныхъ иноземныхъ странахъ «и тѣмъ ложнымъ слухомъ, какъ греческимъ такъ и русскимъ восточнаго исповѣданія людямъ, не малое чинили въ вѣрѣ сумнительство». (И. Чистовича: Теофанъ Прокоповичъ и его время, стр. 430).

спасенія нашего“. Досиѳеѣй старается доказать, что русскій царь и одинъ, помимо союзниковъ, одними только собственными силами вполне успѣшно можетъ окончить войну съ турками и даже совсѣмъ уничтожить послѣднихъ. „Не опасайся поганцевъ, убѣждаетъ Досиѳеѣй царя, но воспомянай Моисеевское рѣченіе: како гонитъ единъ тысячу, а сто гонитъ тьмы. Да будетъ достовѣрна ваша святая душа, что имѣешь поборникомъ Господа нашего Іисуса Христа: аще Богъ съ нами, кто на ны?“ Досиѳеѣй думаетъ, что царскіе союзники въ войнѣ съ турками: поляки, австрійцы и венеціане, не только не надежны, но въ дѣйствительности даже прямо враждебны православной Россіи. Союзники, рѣшительно заявляетъ Досиѳеѣй, „ваше священное высочество уважаютъ, просятъ и восхваляютъ только для того, чтобы помощію вашею побѣдить непріятеля или избѣжать его нашествія; а буде увидятъ, что возстаеете или распространяете предѣлы ваши, тогда позавидуютъ и будутъ навѣтовать, хотя и не явно, но тайно, по обычаю еретическому. Сего ради ваша пречестная душа, имѣя свѣдѣнія о ихъ любви къ намъ, не вѣрь имъ, ниже преклоняй святыя уши свои къ совѣтамъ ихъ, но держись настоящаго святаго дѣла (т. е. совѣтуетъ продолжать войну съ турками), а мы по обязанности сіе пишемъ, и уповаемъ на вашу божественную державу, что всеми средствами будешь держаться настоящаго святаго дѣла, и ни какой человекъ не возможетъ ни какими мѣрами удержать васъ отъ святаго предпріятія“. И чтобы еще болѣе убѣдить царя продолжать войну съ турками, Досиѳеѣй дѣлаетъ въ концѣ грамоты такую приписку: „Христіаннѣйшій и божественнѣйшій владыко! вспомни, что Вседержитель Богъ невосхотѣлъ, что бы Гедеонъ побѣдилъ мадеонитовъ со многими, но съ небольшимъ чи-

сломя для того, чтобы видно было, что это дѣло Божіе, И такъ, если и помирятся еретики, довлѣтъ вашей державѣ, чтобы побѣдить непріятелей. Смотри какъ мы умалены: дань за данью непрестанно отъ насъ требуютъ, и въ скоромъ времени не останется ни патриаршества, ни монастыря, ни христіанъ. Не оставь дѣло, на которое вызвалъ тебя Богъ, а если, попущеніемъ. Божіимъ, не получимъ избавленія, то хотя во время мира поради, чтобы намъ были отданы назадъ св. мѣста, какъ было прежде сего“¹.

Понятно почему Досиѳеей такъ усиленно настаивалъ, чтобы русскіе, даже помимо союзниковъ, продолжали войну съ турками. Русскій царь въ это время уже отнялъ у турокъ Азовъ и укрѣпилъ его, онъ построилъ Таганрогъ и усиленно строилъ флотъ, который скоро долженъ былъ появиться на Черномъ морѣ. Досиѳеей, вмѣстѣ съ другими греками, думалъ, что русскіе возьмутъ Крымъ и, опираясь на свой флотъ, пойдутъ на Константинополь, куда на помощь русскимъ обязательно двинутся и всѣ православные народы, возставъ противъ своихъ притѣснителей турокъ. Казалось, что часъ освобожденія для грековъ и другихъ покоренныхъ турками православныхъ народностей уже наступилъ, стоило только еще сдѣлать нѣсколько усилій и агарянское царство рухнетъ окончательно, древнее наслѣдіе благочестивыхъ греческихъ царей законно перейдетъ въ руки благочестивыхъ царей русскихъ. И вотъ въ такое то время до Досиѳея доходятъ слухи, что не только западные государи, такъ успѣшно воевавшіе въ послѣднее время съ турками, хотятъ съ ними помириться, но что будто бы и русскій царь тоже хочетъ заключить съ турками миръ. Досиѳеей нехочетъ вѣрить послѣднему

¹ Греч. дѣла 7206 г. № 31.

слуху, считая его за басни и вымыслы, но въ то же время рѣшается писать царю, что бы убѣдить его продолжать войну съ турками и въ томъ случаѣ, если бы всѣ союзники его заключили съ ними миръ, такъ какъ пособникомъ царю будетъ самъ Богъ, всегда помогающій ратующему за святое и богоугодное дѣло, какимъ является война царя съ невѣрными. При этомъ Досиѳеей прекрасно понималъ и оцѣнилъ истинный характеръ дружескихъ отношеній западныхъ государствъ къ Россіи. Западные государи тогда только дружатъ съ русскими, когда видятъ въ нихъ пригодное оружіе для достиженія своихъ какихъ либо своекорыстныхъ цѣлей и только тогда они просятъ, уважаютъ и восхваляютъ русскихъ. Какъ же скоро обстоятельства измѣняются, и особенно когда Россія выразитъ стремленіе расширить свои предѣлы и могущество, они сейчасъ же являются врагами Россіи, какими въ душѣ они бываютъ всегда, и стараются всячески вредить ей, если и не явно, то тайно, почему царю ни какъ не слѣдуетъ вѣрить своимъ союзникамъ, дорожить ими и полагаться на нихъ, ему одному слѣдуетъ продолжать войну съ турками.

Царь рѣшилъ однако поступить иначе, нежели какъ желалъ и совѣтывалъ Досиѳеей. Вмѣстѣ съ своими союзниками онъ приступилъ къ мирнымъ переговорамъ съ Турками, и въ Константинополь (1699 г.), для окончательнаго заключенія мира, отправленъ былъ посолъ Украинцевъ. Русское правительство не забыло ранѣе даннаго Досиѳею обѣщанія: при заключеніи съ турками мира хлопотать предъ турецкимъ правительствомъ о возвращеніи грекамъ отнятыхъ у нихъ латинянами св. мѣстъ въ іерусалимѣ. Въ тайномъ наказѣ, данномъ правительствомъ послу Украинцеву предписывалось ему

ходатайствовать предъ портою „въ пристойное время“, чтобы „вселенскимъ патріархомъ и всѣмъ благочестивымъ христіаномъ греческаго закона была въ вѣрѣ свобода, и Гробъ бы Господень и церковь іерусалимская была отдана по прежнему имъ грекамъ, какъ бывало изстари, да и дань бы съ нихъ новонакладная, а наипаче съ монастырей, была бы сложена, и вольно бы было русскимъ людямъ и бѣльцамъ ходить ко святымъ мѣстамъ въ Іерусалимъ и въ Синайскую и во Аѳонскую горы, и говорить о томъ возможности, смотря по дѣлу“. Въ то же время въ наказѣ послу говорилось, что если бы турецкое правительство ради возвращенія грекамъ св. мѣсть потребовало, что бы русскіе возвратили за это отнятые ими у турокъ города, то подобной уступки послу не дѣлать.

Въ наказѣ послу Украинцеву говорилось между прочимъ и слѣдующее: „буди миръ по данному ему, посланнику, указу великаго государя несостоитца и ему, видѣвся съ святѣйшимъ патріархомъ (Досиѳеемъ), говорить и совѣтовать тайно о начинаніи войны у царскаго величества съ турки, и какими образы то дѣло наилучше дѣйствіе свое показать можетъ, и какъ возможно приступить къ Дунаю и къ Килии и народомъ христіанскимъ которые въ той войнѣ обѣщаютца вспомоги, о чемъ многажды писалъ онъ, патріархъ, и протчіе къ великому государю; и говорить о томъ довольно пространными разговорами и записывать у себя самому, и о томъ потомужь писать тайно, чтобъ сего прочіе не увѣдали“.

Согласно полученному отъ правительства наказу, Украинцевъ, по прибытіи въ Константинополь, вошелъ въ тѣсныя сношенія съ Досиѳеемъ, который, во все время пребыванія Украинцева въ Турціи, присылалъ

ему чрезъ извѣстныхъ лицъ всевозможныя свѣдѣнія, какія только, по его мнѣнію, были полезны и нужны для нашего посла, или же обстоятельно отвѣчалъ на тѣ запросы, съ какими обращался къ нему самъ посоль.

При заключеніи мирнаго договора съ турками Украинцевъ, исполняя данную ему правительствомъ инструкцію, въ проектъ договора внесъ двѣ спеціальныя статьи: одна требовала, чтобы турецкое правительство возвратило грекамъ всѣ отнятыя у нихъ латинянами см. мѣста, въ другой же говорилось: „церквамъ Божиимъ и монастырямъ, греческую вѣру имущимъ, также и разныхъ народовъ людямъ, тоежь вѣру употребляющимъ, во владѣніи его салтанова величества пребывающимъ, да будетъ въ вѣрѣ всякая свобода и вольность безовсякаго отягченія, и чтобъ церкви Божіи духовные и мірскіе люди починивать и покрывать и съизнова строить и чины свои изстари обыкые творить могли, и никому бы допущено небыло, противно священнымъ статьямъ и противу закона Божія, досадою или денежнымъ прошеніемъ тѣхъ же духовныхъ и мірскихъ озлоблять“.

Такимъ образомъ русское правительство постаралось исполнить данное ранѣ Досиѳеею обѣщаніе: при заключеніи мира съ турками хлопотать о возвращеніи св. мѣсть и первенства въ нихъ грекамъ. Но этимъ оно не ограничилось. Въ проектъ мирнаго договора внесена была статья, въ которой Россія въ первый разъ открыто и рѣшительно выступила предъ турецкимъ правительствомъ въ качествѣ покровительницы и защитницы всѣхъ православныхъ народностей, покоренныхъ турками, официально потребовала отъ турецкаго правительства, чтобы оно даровало своимъ православнымъ подданнымъ полную религіозную свободу, оказы-

вало имъ во всемъ справедливость и освободило ихъ отъ вновь введенныхъ денежныхъ налоговъ.

Но домогательства нашего посла предъ турецкимъ правительствомъ, по указаннымъ статьямъ, не имѣло успѣха. Турецкій уполномоченный, грекъ Александръ Маврокордато, рѣшительно заявилъ посламъ, что въ мирномъ договорѣ „статья о Гробѣ Господни и о св. мѣстахъ іерусалимскихъ, также и о вольностяхъ грекамъ, написана не будетъ, потому что греки живутъ въ подданствѣ у салтанова величества, и никогда иной государь въ другомъ государствѣ иному государю въ дѣлахъ не указываетъ, и всякой де государь надъ подданными своими воленъ, и чтобы они посланники отъ ихъ грекахъ больше неупоминали, и тѣмъ салтана на гнѣвъ не приводили“. Что же касается Гроба Господня, то объ этомъ, заявлялъ Маврокордато, царь можетъ ходатайствовать предъ султаномъ особо, послѣ заключенія мира, такъ какъ онъ убѣжденъ, что султанъ исполнитъ царское ходатайство, особенно если объ этомъ будутъ промышлять и сами патріархи, которымъ дѣятельно будетъ помогать и онъ, Маврокордато. Посланники сдались на эти убѣжденія и статьи о Гробѣ Господнемъ и религіозной свободѣ православныхъ въ Турціи не были внесены въ заключенный съ турками мирный договоръ.

Досиоей былъ крайне недоволенъ такимъ исходомъ дѣла о св. мѣстахъ. „Паче мѣры опечалились мы душею, говорилъ онъ посланникамъ, что дѣло святаго и живопріемнаго Гроба Спаса нашего І. Христа, купно съ настоящимъ его царскаго величества мирнымъ дѣломъ, конца не воспріяло и оставлено на договариваніе послѣ окончанія его мирнаго дѣла; знатно де ихъ, посланниковъ, Александръ Маврокордато какими нибудь

словами наговорилъ, чтобы того не просить, или будто отъ того и миръ не стоялся бы“. Досиоей настаивалъ предъ посланниками, чтобы они заручились хотя бы словеснымъ согласіемъ визиря и муфтія, что св. мѣста будутъ возвращены грекамъ, если царь обратится объ этомъ съ особою просьбою къ султану при окончательномъ подписаніи мирнаго договора. Посланники дѣйствительно говорили объ этомъ и съ визиремъ и съ муфтіемъ и тѣ обѣщали имъ оказать свое содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ, что немало утѣшило и успокоило Досиоея¹.

Съ посломъ Украинцевымъ Досиоей прислалъ государю грамоты, писанныя отъ 2 Августа 1700 года. Въ первой изъ нихъ Досиоей даетъ совѣтъ царю крѣпче привязать къ себѣ казаковъ и позаботиться о поддержаніи у нихъ стараго воинственнаго духа, причѣмъ вдается въ подробныя разсужденія о превосходствѣ военныхъ качествъ казаковъ, которыхъ по преимуществу боятся и турки и татары. „Держи ихъ, пишетъ Досиоей, подъ кровомъ своимъ, понеже суть стѣна нерушимая и адаманская на турки и на татары и прочихъ зломысленныхъ сосѣдовъ. Султанъ Османъ, когда пошелъ воевать Каменцы, хотя и сыскалъ тамъ войско польское многочисленное, однакоже имѣлъ надежду, что совершитъ свою волю; но когда видѣлъ, что пришли сорокъ тысячъ казаковъ и совокупилися съ польскимъ войскомъ съ пещальми своими, тогда призвалъ бывшаго съ нимъ мулянскаго воеводу Радула, и велѣлъ ему быть посредникомъ и учинилъ миръ съ поляками, и отступилъ назадъ въ турецкую землю“. Въ

¹ Турецкія дѣла 1699 г. св. 24; Турецкіе статейные списки № 27 (Статейный списокъ посла Украинцева) лл. 279—282, 787, 827, 1047, 1064, 1081, 1176, 1182, 1198, 1220, 1250.

заключеніе своего длиннаго разсужденія о казакахъ Досиѳеѣй совѣтуетъ царю такъ поставить казаковъ, „чтобы они знали вся потребная и полезная и къ Богу и къ святому и Богомъ почтенному вашему царствію, а наипаче, дабы были такіе, яко же мнятъ ихъ быти турки и татары, понеже слышимъ о нихъ (казакахъ), что стали боязливые и лѣнныя отъ праздности и покоя и бездѣлья, и не такъ какъ прежде сего любятъ бѣдства и воздержаніе, которое есть растлѣніе воинскаго состоянія, почему и потребно отъ царскаго промысла, чтобы казаки опять получили прежнюю свою воинскую славу“.

Во второй граматѣ Досиѳеѣй прежде всего хвалитъ посла Украинцева какъ человѣка добраго и разумнаго, который „приостро увѣдалъ дѣла и состояніе“ турокъ, „стоялъ крѣпокъ и твердъ во всѣхъ статьяхъ, яко же нѣкій левъ юный“, говоритъ о своихъ услугахъ послу, указываетъ на свое самоотверженное служеніе интересамъ русскаго правительства, на то обстоятельство, что если послу удавалось улаживать съ турками тѣ или другія спорныя дѣла къ выгодѣ и чести русскаго государя и государства, то это во многомъ было и дѣломъ его, Досиѳеѣя. Затѣмъ Досиѳеѣй, посовѣтовавъ царю получше укрѣпить Азовъ и содержать въ немъ постоянное хорошо обученное войско, переходитъ къ вопросу о св. мѣстахъ.

Онъ указываетъ государю на то обстоятельство, что въ ветхомъ завѣтѣ особенно прославились тѣ цари, которые пеклись о сооруженіи, сохраненіи и возобновленіи святилища, каковы Давидъ, Соломонъ, Осія и Зоровавель, что и православныя греческія цари вседушно пеклись о чести, созданіи и сохраненіи Господня Гроба и прочихъ честныхъ поклоняемыхъ мѣстъ,

и покровительствомъ „матери церквей почитахуся христіантїи самодержавцы больше, нежели почитахуся скиптрами и діадимами“. Когда же палъ Константинополь „остались христіане въ Іерусалимѣ сиротами и пренебрежены и отъ еретиковъ неусыпно навѣтуемы, но всегда побѣждаху о Господѣ. Только въ самое послѣднее время „пришли нѣмцы до града Софіи, случился же и визирь глупъ и гордъ, султанъ непотребный“, а французы обѣщали туркамъ дѣятельную помощь на морѣ и на сушѣ, почему турки и отдали имъ св. мѣста. Въ такихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ у православныхъ христіанъ осталась одна надежда на русскаго царя, который „пресловущъ по всему міру въ разумѣ, въ бранехъ и побѣдахъ, въ гражданскихъ дѣлахъ и церковномъ установленіи“, и который особою граматою къ нему, Досиѳеѣю, извѣщаль, что онъ печется о возвращеніи св. мѣстъ грекамъ. Сами турки ждуть царскаго ходатайства о возвращеніи св. мѣстъ, такъ что когда въ Турцію прибыли царскіе послы, то все турки говорили, „что московскіе будутъ просить и прїяти поклонныя мѣста“. И французы сильно этого опасались, „неблагоговѣйна ради, понеже предались мірскимъ страстямъ, но да не отпадетъ честь ихъ и не вознесется наша во всемъ мірѣ, понеже еще будетъ въ рукахъ православныхъ св. Гробъ—православныхъ же первѣйшій есть державное твое и Богомъ нареченное царствіе, явлено, что величайшую честь у всѣхъ христіанъ имѣеть ваше царствіе, и св. Іерусалима царь есть безпрекословно ваше великое царствіе, и есть и говорится первый царь у христіанъ безсумнѣнно“. Упомянувъ затѣмъ, что визирь и муфтїй дали царскимъ посламъ благопрїятный отвѣтъ относительно св. мѣстъ, Досиѳеѣй однако считаетъ этотъ отвѣтъ не-

удовлетворительнымъ, такъ что государю нужно будетъ показать особое радѣніе и теплѣйшее прошеніе предъ турками, чтобы дѣло о св. мѣстахъ приняло желанный конецъ. Объ этомъ государя просить не одинъ онъ — Досиѳей, но вся восточная, католическая, апостольская церковь, такъ какъ русскій государь есть „мѣстникъ ея, защититель православныхъ вѣры, другій равноапостольный новый Константинъ, и сынъ и глаголемый крайній благодѣтель и опасатель и отецъ и утѣшеніе всего православнаго рода“. Практическія мѣры, которыя, по мнѣнію Досиѳея, государь долженъ предпринять въ видахъ окончательнаго возвращенія св. мѣстъ грекамъ, заключаются въ слѣдующемъ: во первыхъ, государь, утверждая мирныя статьи съ турками, долженъ написать и о томъ, что онъ принимаетъ ихъ только подъ условіемъ, „чтобы поклонныя св. мѣста, которыя побрали у грековъ французы въ Іерусалимѣ, отдати бы назадъ грекамъ беззамотчанья“. Во вторыхъ, когда государь отправитъ посла въ Турцію, чтобы о св. мѣстахъ написаны были три особыя грамоты: одна къ султану, другая къ визирю и третья къ муфтію, причемъ Досиѳей предлагаетъ отъ себя и образецъ, какъ должны быть написаны грамоты, предоставляя усмотрѣнію государя что либо измѣнить въ предложенномъ образцѣ. Въ третьихъ, государь долженъ крѣпко наказать послу, „дабы онъ сотворилъ подобающій подвигъ и словомъ и дѣломъ, имѣя сію яко нужную и первую статью мирную“. Если это будетъ выполнено, то, по мнѣнію Досиѳея, „подлинно есть и несумнительно, яко поклоненія отдадутъ турки православнымъ въ вѣчное повиновеніе и всемірную похвалу и честь при всѣхъ христіанскихъ государехъ царехъ вашей богомудрой свѣтлости и въ прибавленіе православныхъ вѣры“.

Съ посломъ Украинцевымъ Досиѳей прислалъ еще просительныя грамоты къ царскому наслѣднику Алексею Петровичу, къ боярину и государственному канцлеру Ѳедору Алексѣевичу Головину и къ московскому патріарху Адріану.

Въ грамотѣ къ наслѣднику престола Досиѳей просилъ его ходатайствовать предъ своимъ державнымъ отцемъ объ исполненіи просьбы патріарха относительно возвращенія св. мѣстъ, такъ какъ если государь „попроситъ сію святѣйшую вещь притужно и крѣпко“, то св. мѣста непременно возвращены будутъ православнымъ; а если теперь не будетъ крѣпкаго радѣнія и попеченія со стороны русскаго правительства о св. мѣстахъ, то они навсегда останутся у папешниковъ „и будетъ стыдъ всемірный роду православныхъ“.

Въ грамотѣ къ канцлеру Головину Досиѳей молилъ его съ духовнымъ дерзновеніемъ, поближе познакомиться съ дѣломъ о св. мѣстахъ въ Іерусалимѣ чрезъ распросы посла Украинцева и чтеніе его, патріаршихъ, грамотъ, а также ходатайствовать предъ государемъ, чтобы „когда будетъ писать его божественное величество сюда, къ здѣшнимъ владѣтелямъ, яко принимаетъ и отверждаетъ мирныя статьи, писати и сіе: принимаетъ миръ съ симъ опредѣленіемъ, чтобы отданы были св. мѣста, которыя взяли французы, православнымъ“.

Въ грамотѣ къ патріарху Адріану Досиѳей говоритъ, что патріархи, какъ преемники св. Апостоловъ, должны имѣть особое попеченіе о всѣхъ церквахъ. Если какое нибудь церковное дѣло требуетъ помощи со стороны царя, то „патріаршаго достоинства есть дѣло, еже напоминати и молити ихъ (царей) и поощрять“, какъ это всегда было при прежнихъ благочести-

выхъ греческихъ царяхъ. А такъ какъ нынѣ св. мѣста отняты у православныхъ французами и у православныхъ есть теперь только одинъ защитникъ и покровитель—русскій царь, то именно онъ и долженъ заботиться „о призрѣнїи и управленїи святыхъ церквей матере“. Подвигнуть же государя на дѣло освобожденїя св. мѣсть долженъ патріархъ, который однако ничего не писалъ объ этомъ съ посломъ Украинцевымъ къ нему, Досиѳею, „сего ради, замѣчаетъ онъ, опечалихомся и наипаче много плакахомъ“. Досиѳею выставляетъ на видъ Адриану то обстоятельство: „видимъ еретиковъ и пекутся всеми равнѣ и единогласно противо православныхъ, православныхъ же нерадѣючи и лѣнны суци, во еже пецися и помогати церквамъ, а наипаче святой церкви матери“. И далѣе Досиѳею съ горечью пишетъ: „аще о чести и исправленїи матере церквей нерадиши божественнѣйшїй, како хочещи показати ревность и свойственная патріаршескому твоему достоинству? Опечалихомся убо, зане отбѣже вашея памяти святой Сїонъ, и рыдахомъ и плакахомъ паче сыновъ израилевыхъ въ Вавилонѣ, наипаче же яко за нерадѣніе Богъ огорчается и негодуетъ“. Досиѳею умоляетъ Адриана „припасти, притѣсти, умолити, упросити и ходатайствовати къ Богомъ хранимому самодержцу, да происходатайствуетъ честь и славу каѳолическія церкви, и притяжетъ его великое его царство имя и славу и честь равноапостольну и въ присутствующемъ вѣцѣ и въ будущемъ“¹.

Такъ въ своихъ грамотахъ патріархъ Досиѳею рѣшался поучать самого государя Петра Алексѣевича

какъ ему слѣдуетъ поставить себя относительно казаковъ, какими средствами слѣдуетъ ему крѣпче привязать ихъ къ себѣ, съ помощію какихъ средствъ надлежитъ ему поддерживать въ казакахъ старый ихъ воинскій духъ, столь страшный для татаръ и турокъ, какъ внимательно ему нужно заботиться, чтобы войско его было хорошо обучено, обладало всеми лучшими боевыми качествами и постоянно было готово сразиться съ неприятелемъ. Досиѳею рѣшался на эти поученїя государю въ виду того убѣжденїя, что заключенный царемъ миръ съ турками непроченъ, что онъ будетъ разорванъ турками при первомъ удобномъ случаѣ, что все бывшіе царскіе союзники ненадежны и скорѣе враги, чѣмъ друзья царя, почему русскому православному царю слѣдуетъ полагаться только на свои собственные силы, чтобы ихъ однѣхъ было достаточно для нанесенїя рѣшительнаго удара туркамъ и, въ концѣ, для освобожденїя грековъ изъ подъ турецкаго ига, что всегда было завѣтною мечтою всякаго грека вообще и въ частности Досиѳея. Съ другой стороны Досиѳею въ своихъ грамотахъ молилъ всехъ: царя, наследника, патріарха и канцлера Головина энергично хлопотать предъ турецкимъ правительствомъ о возвращенїи св. мѣсть грекамъ. Онъ былъ убѣжденъ, что онѣ будутъ имъ возвращены, если только русскій царь возьмется за это дѣло и поведетъ его какъ слѣдуетъ, т. е. энергично и настойчиво, такъ какъ турки уступятъ необходимо предъ твердо заявленными требованїями царя. Въ то же время Досиѳею былъ убѣжденъ, что настоящїй моментъ есть самый удобный для возвращенїя грекамъ отнятыхъ у нихъ св. мѣсть, и что если этотъ моментъ теперь будетъ опущенъ, то впоследствии уже трудно будетъ исправить разъ испорченное положенїе дѣлъ, что и за-

¹ Греч. дѣла 1700 г. № 1; наша книга: Снош. Дос. съ рус. правит. прил. №№ 5 и 23.

ставляло дѣйствовать Досиѳея предъ русскимъ правительствомъ съ особою энергіею и настойчивостію.

Но хотя Досиѳеѣй предпринялъ повидимому всѣ мѣры, чтобы подвигнуть русскаго государя дѣйствовать въ пользу возвращенія св. мѣстъ грекамъ и не смотря на то, что онъ далъ въ своихъ грамотахъ самыя опредѣленныя указанія, какъ слѣдуетъ вести это дѣло предъ турками, однако сомнѣніе въ успѣхѣ всетаки закрадывалось въ его душу. Въ Москвѣ могли въ какомъ либо отношеніи неправильно понять и истолковать его грамоты, могли, не имѣя постоянного поощренія, отнестись къ дѣлу или равнодушно или не такъ внимательно, какъ требовалось; могли вопреки указаніямъ Досиѳея, руководствуясь какими либо сторонними соображеніями, избрать ложный путь для достиженія цѣли и испортить все дѣло. Чтобы избѣжать всего того Досиѳею казалось необходимымъ послать отъ себя въ Москву довѣренное лицо, которое бы снова подкрѣпило и усилило прежнія ходатайства Досиѳея и лично могло повліять въ Москвѣ тамъ, гдѣ это нужно и такъ, какъ это нужно. Племянникъ Досиѳея архимандритъ Хрисанѳъ уже разъ былъ въ Москвѣ съ порученіями Досиѳея хлопотать о возвращеніи св. мѣстъ; его, какъ знающаго Москву и знаемаго въ ней, Досиѳеѣй рѣшилъ снова отправить къ русскому царю, чтобы ходатайствовать предъ нимъ о возвращеніи православнымъ Іерусалимскихъ св. мѣстъ. Хрисанѳъ прибылъ въ Москву 5 Января 1701 года и привезъ отъ Досиѳея грамоты государю, патриарху, канцлеру Головину.

Въ грамотѣ государю Досиѳеѣй пишетъ, что хотя государю и хорошо уже извѣстно изъ прежнихъ доношеній патриарха о случившемся за десять лѣтъ отнятіи французами у грековъ св. мѣстъ, но такъ какъ слово

Божіе говоритъ: „просите и дастся вамъ“, то онъ снова посылаетъ своего племянника Хрисанѳа ходатайствовать предъ царемъ о возвращеніи св. мѣстъ. Досиѳеѣй какъ и ранѣе, выражаетъ увѣренность, что турки теперь готовы будутъ исполнить просьбу царя о св. мѣстахъ, такъ какъ они уже недовольны господствомъ въ Іерусалимѣ французовъ: „видятъ бо неправду, видятъ бездѣльства французскія во святой землѣ, идѣже города созидаютъ подъ именемъ монастырей и иныя безчинства творятъ, какія небывали, егда имѣли мы службу у честныхъ поклоненій“. Досиѳеѣй сообщаетъ царю, что въ этомъ дѣлѣ онъ рассчитываетъ на содѣйствіе муфтія, который „намъ зело помощникъ“, онъ уже помѣшалъ латинянамъ починить сводъ надъ св. Гробомъ. Точно также когда послы шаха персидскаго хлопотали предъ турецкимъ правительствомъ, подкупая начальныхъ людей порты, чтобы армяне имѣли въ Іерусалимѣ одинаковое старѣйшинство съ греками, то муфтіѣ „вопіялъ и говорилъ: не довольно ль сколько зла учинилось грекамъ со стороны французскія, но быть еще больше и чрезъ ходатайство шахово; а потомъ какъ царь московскій будетъ просить ключей св. мѣстъ, какъ быть и какую отвѣдь дадимъ, или какъ поступимъ?“ Когда пришло въ Адрианополь, повѣствуетъ Досиѳеѣй, письмо гетмана казацкаго къ хану съ нѣсколькими статьями, между которыми было и прошеніе о св. мѣстахъ, тогда турки вопіяли: „се царь московскій просить ключей и всегда сіе говорили съ того времени“. Въ виду всего этого, думаетъ Досиѳеѣй, теперь самое удобное время просить царю у турокъ возвращенія грекамъ св. мѣстъ, турки несомнѣнно исполнять просьбу царя.

Въ грамотѣ къ патриарху Адриану Досиѳеѣй, извѣ-

щая его о посылкѣ въ Москву своего племянника архимандрита Хрисанѳа, просилъ его „да ваша святыня посредствуетъ къ Богомъ прославленному самодержцу не отъ насъ точію, но отъ всея восточныя церкви, да печется о освобожденіи и чести града и изряднаго дома Божія“.

Съ такою же просьбою обращался Досиѳей и къ канцлеру Головину. „Порадѣйте и дѣйствуйте, пишетъ онъ боярину, совѣтами, увѣщаніями, умоляя всѣми средствами христоролюбиваго и Богомъ вѣнчаннаго царя, дабы изволилъ пещись о возвращеніи св. мѣстъ въ руки православныхъ, ибо если не будетъ радѣнія нынѣ и исправленія, тѣ св. мѣста навсегда останутся въ рукахъ еретическихъ, и не только намъ будетъ отъ сего безчестіе, но послѣдуетъ отъ сего и то, что угаснетъ апостольскій престолъ и большая часть православныхъ приложится къ папистамъ... Не видите-ли, сколько протари имѣютъ язычники гроба ради Мехмета своего? Кольми паче подобаесть трудиться намъ Гроба ради Господа нашего І. Христа, Который есть честь и похвала всѣмъ православнымъ. Нѣкогда разными средствами заботились блаженные самодержцы греческіе о св. Гробѣ и прочихъ св. мѣстахъ; нынѣ же благочестія и самодержавнаго царствія величества наслѣдникъ, храбрѣйшій и тишайшій царь, государь Петръ Алексѣевичъ,—его величеству есть свойственное дѣло учинить подобающее о возвращеніи св. мѣстъ“.

На просьбы Досиѳея хлопотать предъ турецкимъ правительствомъ о возвращеніи грекамъ св. мѣстъ въ Іерусалимъ государь отвѣчалъ ему отъ 23 Января (1701 г.) особою грамотою, въ которой писалъ: „къ намъ великому государю, нашему царскому величеству, писали вы отецъ нашъ и богомолецъ, святѣйшій и всеблажен-

нѣйшій патріархъ, съ нашимъ царскаго величества посланникомъ съ думнымъ совѣтникомъ съ Емельяномъ Игнатъевичемъ Украинцевымъ, да съ архимандритомъ своимъ Хрисанѳомъ, изъ которыхъ писаней вашихъ выразумѣли есмы предложеніе ваше о разныхъ дѣлехъ и увѣщаніе духовное, мудро изображенное, и архипастырскою вашею молитвою и благословеніемъ исполненное. И мы великій государь, наше царское величество, вамъ, всесвятѣйшему и всеблаженнѣйшему крайнему архипастырю, за толикое и душеполезное посѣщеніе и увѣщаніе сыновне благодарствуемъ и впредь желаемъ, дабы всегда благоугодные молитвы ваши о насъ были непрекращены“. Затѣмъ государь извѣщаетъ патріарха, что онъ указалъ своему великому послу, Дмитрію Михайловичу Голицыну, „будучи у салтана турскаго на посольствѣ, чрезъ великаго визиря и муфтія и иныхъ ево ближнихъ людей домогатца радѣтельно во всѣхъ мѣрахъ и поступкахъ такъ, какъ вы, всесвятѣйшій и блаженнѣйшій и крайнѣйшій архипастырь, въ томъ ему усовѣтуете и прикажете. А наши великаго государя, нашего царскаго величества, грамоты о томъ съ нимъ къ салтану турецкому и къ везирию и къ муфтію противъ предложеннаго вами образца посланы, и о всемъ ему блаженству вашему объявить наказано; а архимандрита вашего Хрисанѳа, пожаловавъ нашимъ царскаго величества жалованьемъ, указали къ блаженству вашему отпустить безъ замедленія“¹.

Такимъ образомъ русское правительство рѣшилось, согласно съ просьбами Досиѳея, настаивать предъ выскокою портою о возвращеніи св. мѣстъ въ Іерусалимъ

¹ Греч. дѣла 1701 г. № 1; наша книга: Снош. Дос. съ русск. прав. прил. № 7 и 24.

грекамъ, и въ этомъ смыслѣ дало наказъ своему чрезвычайному послу князю Голицыну, отправившемуся въ 1701 году въ Константинополь для ратификаціи заключеннаго Украинцевымъ мирнаго договора съ турками. Въ правительственномъ наказѣ послу Голицыну говорилось именно: „ему жъ, чрезвычайному послу, будучи у султана и у везира, въ пристойное время при иныхъ дѣлахъ, говорить, чтобъ вселенскимъ патріархамъ и всѣмъ благочестивымъ христіанамъ греческаго закона была въ вѣрѣ свобода, и Гробъ бы Господень и церковь Іерусалимская была отдана по прежнему имъ грекамъ, какъ бывало изстари, да и дань бы съ нихъ новонакладная, а наипаче съ монастырей, была бы сложена“. Въ другой статьѣ наказа говорилось: „и по совершеніи и по подкрѣпленіи дѣла своего, объ отдачѣ грекамъ Гроба Господня говорить пространно съ салтановыми ближними людьми, приводя на сіе: дабы для нынѣшняго постановленія мира, указалъ салтаново величество отдати Гробъ Господень грекамъ. И о томъ святѣйшему патріарху объявить тайно, что указъ великаго государя онъ имѣетъ ближнимъ салтанскимъ людямъ говорить объ отданіи Гроба Господня, и потому его, великаго государя, указу говорить онъ будетъ“. Кромѣ того государь отправилъ съ посломъ, какъ того желалъ Досиѳей, особыя грамоты къ султану, визирю и муфтію съ просьбою возвратитъ грекамъ отнятыя у нихъ латинянами св. мѣста¹.

Досиѳей долженъ былъ остаться доволенъ дѣйствіями русскаго правительства: государь, согласно его желанію, послалъ къ султану, визирю и муфтію особыя грамоты о св. мѣстахъ, составленныя по тому образцу,

¹ Турецкія дѣла 1700—1701 г. св. 1, № 5.

какой прислалъ Досиѳей; чрезвычайному послу наказано было говорить и домогаться возвращенія св. мѣстъ грекамъ предъ ближними султановыми людьми, причемъ ему предписывалось дѣйствовать въ этомъ случаѣ согласно съ совѣтами и указаніями Досиѳея. Правда послу вовсе не было наказано, какъ на томъ настаивалъ Досиѳей, чтобы статья о возвращеніи св. мѣстъ грекамъ была поставлена въ переговорахъ первою, и чтобы съ принятіемъ или непринятіемъ ея связано было окончательное заключеніе или разорваніе мира съ турками. Но такъ ставить дѣло наше правительство тогда никакъ не могло, такъ какъ начавшаяся шведская война ни подъ какимъ видомъ не позволяла ему ссориться съ турками. Оно съ своей стороны сдѣлало для Досиѳея все, что только могло сдѣлать при тогдашнихъ обстоятельствахъ.

Послу Голицыну не удалось однако выхлопотать у турокъ возвращенія св. мѣстъ грекамъ: и султанъ, и визирь, и муфтіи одинаково рѣшительно отказали ему въ его домогательствахъ по этому дѣлу и самъ Досиѳей долженъ былъ признать, что русское правительство съ своей стороны сдѣлало все возможное для успѣха дѣла, что причина неудачи заключается не въ равнодушіи или не надлежащихъ и ошибочныхъ дѣйствіяхъ русскаго правительства, а единственно въ упорномъ сопротивленіи турокъ, побуждаемыхъ къ тому особыми обстоятельствами. Въ грамотѣ государю отъ 5 Января 1702 года, присланной съ посломъ Голицынымъ, Досиѳей пишетъ, „по истинѣ что довелось говорить и что нужно было творити (по дѣлу возвращенія грекамъ св. мѣстъ), великое ваше царствіе вся рече и сотвори.... Препочтенныя ваши грамоты поданы суть и султану и визирю и муфтію и, сверхъ того, преславный посоль ва-

шей божественнѣйшей державы говорилъ всѣмъ троимъ, что было нужно, и сотворилъ достойные подвиги многообразне и многовидно. И учинилось бы абіе и дѣло послѣ отданія пречестныхъ грамотъ, но смотря здѣшнїе на короля французскаго“, котораго „почитають быти крѣпкаго и боятся его“...

Но если посольство князя Голицына въ Турцію и кончилось рѣшительною неудачею по дѣлу о возвращеніи грекамъ св. мѣсть, за то оно еще тѣснѣе сблизило Досиѣея и съ русскимъ правительствомъ вообще и въ частности съ самимъ государемъ, высоко цѣнившимъ преданность и услуги Досиѣея Россіи. Уже въ наказѣ послу Голицыну было сказано: „и видатца ему (послу) съ нимъ патріархомъ (Досиѣеємъ) почаству и о всѣхъ великаго государя дѣлахъ съ нимъ совѣтывать и провѣдать у него подлинно: поставленные мирные договоры съ великимъ государемъ, съ его царскимъ величествомъ, салтанъ турецкой содержать хочеть-ли, и въ дружбѣ и любви съ его царскимъ величествомъ быть желаетъ-ли, и не мыслить-ли чево къ нарушенію тѣмъ мирнымъ договоромъ?“ И въ другомъ наказѣ послу говорится: „ему жъ (послу), будучи въ Константинополѣ, имѣть со святѣйшимъ іерусалимскимъ Досиѣеємъ патріархомъ тайные обсылки, и о всякихъ дѣлахъ съ нимъ разговаривать, и о вѣдомостяхъ спрашивать...“ Мало того, самъ государь послалъ отъ себя къ Досиѣею особую грамоту, въ которой писалъ: „мы блаженство ваше имѣемъ паче прочихъ всѣхъ о Христѣ возлюбленнаго отца и пастыря и великодушнаго мужа, и тѣмъ паки призываемъ блаженство ваше, дабы какъ прежде сего въ богоугодныхъ молитвахъ своихъ насъ никогда запомнилъ, и въ дѣлахъ нашихъ приключающихся всегда пособника имѣли есмы; такъ и нынѣ по-

тому жъ отъ блаженства вашего желаемъ, яко отъ возлюбленнаго отца и пастыря, яко да во всякихъ дѣлахъ нашихъ, покамѣсть нашъ великій посолъ въ тѣхъ краяхъ пребудеть, былъ бы ему блаженство Ваше совѣтникъ истинный, а мы великій государь, наше царское величество, къ тебѣ, возлюбленному отцу и пастырю нашему, поелико возможно не только словомъ, но и дѣломъ и во всѣхъ богопроходимыхъ мѣстахъ святыхъ склонны есмы щедрою рукою способляти, токмо и блаженство ваше, какъ и прежде сего, всегда честными грамотами своими насъ посѣщать благоволиши и молитвою неоставляй“.

И Досиѣей ревностно и вѣрно служилъ въ Константинополѣ нашему послу Голицыну, сообщая ему необходимыя свѣдѣнія по разнымъ предметамъ и вопросамъ, подавая ему нужные совѣты и указанія, предостерегая его отъ ошибочныхъ дѣйствій. Въ грамотѣ къ государю Досиѣей такъ говоритъ о своихъ услугахъ послу Голицыну: „преславный великій посолъ боговѣнчанной великой вашей державы, господинъ Дмитрій Михайловичъ, въ нужныя дѣла съ нами совѣтывалъ и, какъ насъ Богъ просвѣтилъ, ему совѣтъ подали, и въ какое дѣло у насъ потребовалъ, мы служили ему по нашей силѣ... Пребывалъ здѣсь преразумно и превеликолѣпно, и во всѣхъ дѣлахъ, что онъ просилъ и говорилъ, истинствовалъ и извѣствовалъ... Всѣ люди вашего боговѣнчаннаго царствія, которыя посылаются сюды, похваляются и почитаются отъ всякаго рода и языка и отъ самаго салтана“.

Получивъ грамоты Досиѣея, посланные съ княземъ Голицынымъ, государь немедленно отправилъ къ Досиѣею свою грамоту, въ которой писалъ: „двѣ грамоты блаженства вашего, съ великимъ нашимъ посломъ кня-

земь Дмитріемъ Голицынымъ приняли: одну, въ которой пишете о дѣлахъ св. Гроба и что тамъ ему случилось, а въ другой — отвѣтъ противъ грамоты нашей, что мы съ Георгіемъ Кастріотомъ къ вамъ писали. Выразумѣвъ изъ оныхъ здоровое пребываніе вашего блаженства, весьма обрадовались, — дай Боже слышать намъ и впредь, что въ добромъ состояніи сохранилъ васъ Вышній и о благословенныхъ за насъ молитвахъ вашихъ просимъ блаженство ваше, дабы воспоминали насъ всегда во своихъ патриаршескихъ къ Богу заступительныхъ молитвахъ. А о дѣлахъ нашихъ, что пишешь, что послу нашему и дѣломъ и словомъ совѣтами вашими сколько возможно способствовалъ, какъ и самъ посоль нашъ извѣстилъ насъ о томъ, весьма благодарствуемъ, что блаженство ваше творите дѣло доброе, какое приличествуетъ такой высокой особѣ, достойной своего имени, какъ и вездѣ блаженство ваше прославляется паче всѣхъ иныхъ архипастырей православныхъ. Нынѣ мы, великій государь, разсудили, что для нашихъ дѣлъ, которые предстоять межъ нами и портою оттоманскою, доведется посылать посла нашего, который бы жилъ нѣсколько времени при той портѣ, какъ и отъ иныхъ христіанскихъ государей тамъ живутъ. И такъ посылаемъ туда посломъ ближняго нашего стольника и намѣстника алатырскаго, Петра Андреевича Толстаго, которому указали, чтобы совѣщался съ блаженствомъ вашимъ, какъ и прежніе наши послы дѣлали. А отъ блаженства вашего желаемъ, чтобы къ послу нашему былъ во всякихъ приключающихся ему дѣлахъ пособникомъ и дѣломъ и словомъ, сколько возможно, и посему пространнѣе о томъ не пишемъ, поелику указали ему про всякія дѣла объявлять вамъ словесно и совѣтовать о нихъ, какъ лучше

можетъ быть и какъ Богъ наставитъ блаженство ваше, такъ и творите противъ святаго обычая. Мы въ томъ не только не сумнѣваемся, но надѣемся, что блаженство ваше послу нашему будете во всѣхъ дѣлахъ совѣтникомъ и искреннимъ помощникомъ, и о дѣлахъ тамошнихъ желаемъ отъ блаженства вашего, чтобы всегда, чрезъ посла нашего, изволили къ намъ писать. А у нашего царскаго величества сіе раднѣе и прилежаніе блаженства вашего весьма пріятно и незабвенно будетъ“¹.

Такъ высоко цѣнилъ Петръ Великій политическія услуги Досиоея нашимъ посламъ въ Турціи, желалъ, чтобы Досиоей и впредь ревностно продолжалъ свое служеніе интересамъ Россіи, видя въ этомъ одну изъ важныхъ причинъ успѣха нашихъ пословъ въ ихъ сношеніяхъ съ турецкимъ правительствомъ. Царь рѣшительно и официально приглашалъ іерусалимскаго патріарха вести совмѣстно съ нашимъ посломъ всѣ посольскія дѣла и обо всемъ писать государю. Досиоей горячо отозвался на призывъ царя, горячо и усердно сталъ служить, помогать и совѣтывать во всемъ нашему послу въ Турціи Толстому. „Вашей любви работаемъ, пишетъ онъ Толстому отъ 10 Декабря 1702 г., когда Толстой уже находился въ Адрианоуполѣ, гдѣ былъ турецкій дворъ, — за любовь почтеннаго самодержавнаго лица, и работающе православною державѣ, самому Богу служимъ, отъ Него же и чаемъ воздаянія“. Въ другомъ письмѣ къ Толстому (въ Февралѣ 1703 г.) Досиоей пишетъ: „мы вамъ работаемъ безъ всякой надежды, за едину токмо любовь Божию и ради честнаго имени свя-

¹ Турецкія дѣла 1700—1702 г. св. 1, № 5; св. 2, № 1; Греческія дѣла 1701 г. № 1; 1702 г. № 1.

таго величества, и служимъ вамъ въ послѣдней бѣдѣ души нашея и живота и чести нашея, и въ семь паки благодарствованія отъ Бога ищемъ, а отъ васъ ничего не просимъ“.

Толстой высоко цѣнилъ политическія услуги Досиѳея и въ своихъ донесеніяхъ не разъ указывалъ на нихъ русскому правительству. Въ донесеніи канцлеру Ѳедору Андреевичу Головину отъ 4 Іюня 1703 года Толстой пишетъ: „прошу у тебя, государя моего, милости, чтобы отъ лица великаго государя писать ко святѣйшему іеросалимскому патріарху благодареніе за многое его къ великому государю усердіе; истинно, государь, презирая смертныя страхи, работаетъ великому государю во всякихъ случаяхъ“. Отъ 7 Іюля (1703 г.) Толстой сообщаетъ Головину, что Досиѳеѣй прислалъ къ нему, Толстому, грамоту къ государю, съ просьбою перевести ее на русскій языкъ и переслать въ Москву цифирью, причемъ замѣчаетъ: „какъ прежде сего къ вамъ писалъ, такъ и нынѣ доношу, что трудовъ ево (Досиѳея) въ дѣлахъ великаго государя много, и усердіе къ великому государю имѣетъ великое“. 22 Мая 1704 года Толстой пишетъ Головину: „извѣстно милости твоей государя моего чиню: святѣйшій іеросалимскій патріархъ Досиѳеѣй изъ Константинополя выѣхалъ въ мултянскую землю, таможь бывши нѣкоторое время, пріѣдетъ и въ волошскую землю. И во время бытности своей въ Андрианополи и Константинополи, зѣло усердствовалъ въ дѣлахъ великаго государя, и мнѣ многіе чинилъ вѣдомости о всякихъ дѣлахъ... Прошу у тебя, государя моего, милости, чтобы къ нему отписать и возблагодарить за ево многое усердіе; обаче какъ о томъ воля великаго государя и твое, государя моего, разсмотрѣніе будетъ“. 16 Іюля 1705 года

Толстой пишетъ Головину: „письма мои святѣйшій іеросалимскій патріархъ началъ принимать по прежнему, и въ дѣлахъ великаго государя усердствуетъ вельми; обаче страха ради отъ сихъ поганцевъ не можетъ мнѣ часто подавать потребныхъ вѣдомостей чрезъ писанія, какъ чинилъ напредъ сего, однакожь усердіе являетъ изрядное чрезъ одинаго грека словесно“. 24 Февраля 1706 года Толстой пишетъ Головину: „онъ, святѣйшій патріархъ, вельми радѣетъ о дѣлахъ великаго государя и заплаты никакой не требуетъ; обаче хотя бы малымъ чѣмъ ево потѣшить, чтобы прислать отъ лица великаго государя, зѣло бы онъ тѣмъ увеселился; воистинно забывъ страхъ усердствуетъ, въ чемъ можетъ“. Отъ 4 Августа того же года Толстой пишетъ: „святѣйшій іеросалимскій патріархъ пребываетъ въ Константинополѣ и ко мнѣ милостивъ, подаетъ мнѣ всякія вѣдомости, что можетъ, и нынѣ приказывалъ ко мнѣ, чтобы я къ милости твоей отписалъ о многихъ ево расходахъ, которые чинятся во Іерусалимѣ; и воистинно, государь, неизреченные нынѣ ему во Іерусалимѣ чинятся убытки отъ тамошнихъ мятежей; и о семъ какъ изволеніе великаго государя и твое, государя моего, разсмотрѣніе будетъ“.

Патріархъ Досиѳеѣй дѣйствительно „вельми радѣлъ о дѣлахъ великаго государя“: онъ давалъ совѣты и указанія послу какъ ему поступать и дѣйствовать въ томъ или другомъ случаѣ, сообщалъ ему всѣ необходимыя свѣдѣнія, какія только посоль отъ него требовалъ, служилъ посредникомъ при пересылкѣ бумагъ нашего правительства къ послу и отъ посла къ правительству, успѣвалъ тайно добывать султанскія грамоты къ иностраннымъ государямъ и передавалъ ихъ Толстому; разъ добылъ даже чертежъ турецкой крѣпо-

сти. Самъ Досиѳей такъ говоритъ о своей службѣ послу Толстому въ граматѣ государю отъ 31 Августа 1703 г.: „изволить святое твое царствіе, что какъ даже до нынѣ, такъ и впредь совѣтывалъ бы я и способлялъ честному вашему послу въ нужныхъ дѣлахъ; и о семъ изволь вѣдати царское твое величество: что въ семъ всегда обрѣтаемся, какъ и прежде сего писахъ, и нѣсть такого дѣла, которое бы мы вѣдали, что оно нужно послу вашему знати, и необъявляхомъ ему, ниже отлучаемся когда, чтобъ ему не совѣтывати въ нужныхъ дѣлахъ. И тако будемъ дѣйствовать покамѣсть живемъ, понеже нетокмо есмы богомольцы теплѣйшія вашея державы, но и работники усердніи, а наипаче указъ твой имѣемъ, яко слово святое и гласъ Божій“¹.

Но службою нашимъ посламъ въ Константинополь Досиѳей неограничивался, а посылалъ еще къ нашему правительству особыя граматы съ разными политическими вѣстями. Такъ отъ 29 Января 1702 г. Досиѳей пишетъ канцлеру Головину: „вѣдомости сихъ странъ въ нынѣшнемъ времени таковы суть: султанъ турецкій во всю зиму, даже до рамазана или поста своего, гулялъ на ловляхъ между Цареградомъ и Адрианополемъ. Изъ Царяграда пишутъ и челоуѣкъ, который туда былъ посланъ нарочно, извѣщаетъ и всѣ подлинно говорятъ, что съ великимъ радѣніемъ готовятъ флотъ морской, и не только старыя суда починили, но и многія вновь прибавили и безпрестанно прибавляютъ и съ такою скоростію, что никогда такое дѣло не совершалось такъ прежде, да и никакой плотникъ корабельный не остался, котораго бы они не взяли для работы сего флота... А какое ихъ намѣреніе и что съ тѣмъ караваномъ дѣлать,

¹ Подробнѣе объ этомъ см. нашу книгу: Сношенія Досиѳея съ русскимъ правительствомъ стр. 218 — 237.

еще никто не можетъ знать... Сверхъ того извѣщаемъ, что посланъ капиджи-баши, еще около праздниковъ св. Димитрія, и начавъ отъ самаго устья Дуная тамо, гдѣ онъ впадаетъ въ Черное море, прошелъ весь берегъ дунайскій и осматривалъ всѣ города, даже до Бѣлграда, также оружія и людей ихъ и прочее, что надобно къ оборонѣ ихъ. Сверхъ того привезли многія пушки и раздѣлили по крѣпостямъ, гдѣ не было ихъ довольно для обороны... Отъ страны италійскія слышимъ: папа римскій избралъ достойныхъ людей и послалъ ихъ послами — одного къ цесарю, другаго къ королю французскому, а третьяго въ Испанію съ такою цѣлію, чтобы они домогались всѣми мѣрами привести ихъ къ дружбѣ и миру въ ссорахъ, которыя между ними возникли...“ Отъ 2 Іюня 1702 года Досиѳей пишетъ государю: „владѣющіе надъ нами въ тихости пребываютъ, намѣренія войны неимѣютъ, ибо начальники многихъ ради винъ всякое воинское движеніе ненавидятъ и гнушаются имъ. Однако начальствующій скиѳами, изъ таврискаго острова, писалъ въ послѣднихъ числахъ Марта къ Портѣ, что Москвитяне намѣрены воевать, ибо столько кораблей спустили на море донское, почему приказали въ Константинополь и въ иныхъ мѣстахъ сдѣлать тридцать галіоновъ невеликихъ и изготовить двадцать семь, которыя уже существуютъ, и инныя суда, чтобы могли до будущаго года имѣть въ готовности сорокъ галіоновъ великихъ и малыхъ, двадцать четыре каторги и пятьдесятъ баркасовъ, и чтобы имъ начать собирать двадцать тысячъ молодцовъ. Султанское повелѣніе сіе прочтено въ Константинополь всенародно и начались приготовленія; но когда притекли священныя граматы вашего величества и узнали, что пріѣзжаетъ посоль, то что начало дѣлаться — дѣлается, однако скиѳоначальствующаго слово

лживымъ явилось. Наипаче писалъ онъ и то, что казаки запорожскіе ищутъ соединиться съ нимъ, но ему писали отъ. Порты удаляются отъ такихъ дѣлъ и взи- рать на свое, ибо зло постраждетъ, ежели дерзнетъ на такія начинанія. Въ нынѣшнемъ году посылаютъ нѣкоторыя суда на Черное море не для того, что имѣютъ намѣреніе войны, но ради охраненія по обычаю, а нѣ- которые говорятъ, что приготовленіемъ столькихъ ко- раблей намѣреваются воевать Венетовъ и отнять у нихъ Пелопонисъ. Однако то истинно, что неимѣютъ намѣ- ренія кого-либо воевать, только слыша о корабляхъ и приготовленіи въ Азовѣ, видя и въ Италиі великую войну между германцами и французами, сами находятся въ подозрѣніи и готовятъ, чтобы имъ предупред- ить, если гдѣ либо случилось какое смущеніе. Въ на- стоящее время ничего больше не обрѣтается здѣсь и если случится развѣдать что либо яснѣе, пошлемъ че- ловѣка къ честнымъ стопамъ вашего тишайшества“.

20 Іюня 1704 года Досиѳей въ грамотѣ государю сообщаетъ, что между цесаремъ и ракоціанами идетъ борьба, и хотя турки сочувствуютъ ракоціанамъ, однако не рѣшаются помочь имъ, между прочимъ и по слѣдую- щей причинѣ: „если будетъ подозрѣніе, что ваша дер- жава имѣетъ придти на нихъ (чего они сильно опа- саются), то ни съ какимъ инымъ игемономъ христіан- скимъ не будутъ начинать войны; однако то несомнѣнно, что не останутся въ тишинѣ, но какимъ бы то ни было образомъ, или моремъ или сухимъ путемъ, будутъ чи- нить походъ на васъ. Оттого нынѣ тайно созываютъ въ Царьградъ отовсюду военачальниковъ и началь- никовъ войсковыхъ, приказывая имъ, чтобы всякъ имѣлъ людей своихъ готовыми и когда имъ повѣстятъ, чтобы все уже готово было. Припасаютъ пушки, гранаты,

мѣхи, торбы, веревки и прочее потребное для завое- ванія городовъ. Притворяются предъ всѣми, что будто дѣлаютъ то для иныхъ причинъ, но намѣреніе ихъ сіе, а не иное. Починиваютъ крѣпости Кафы и окрестно- сти ея, строятъ у Керчи крѣпости, на пристаняхъ Чернаго моря готовятъ деревья для фрегатовъ“.

Отъ 10 Октября того же года Досиѳей, въ присланной имъ грамотѣ, совѣтуетъ государю учинить одно изъ двухъ: или смирить шведовъ и укрѣпить на польскомъ престолѣ саксонскаго, или заключить съ шведами миръ и укрѣпить въ Польшѣ саксонскаго. „Я прежде сего писалъ, заявляетъ далѣе Досиѳей, къ благородію вашему, чтобы не печалился, что умираютъ воины, если это по- лезно, а наипаче когда время позоветъ, потому что много разъ ни во что ставя время, трудно въ другой разъ дожидаться удобнаго момента. Господинъ Дими- трій (кн. Голицынъ) нынѣ какъ пришелъ въ Польшу, слѣдовало ему ударить со своими на шведа, и хотя бы не учинилъ и побѣды великой, однако умалаясь бы сила шведская, такъ какъ хотя бы московитяне и ка- заки и были побиты, на ихъ мѣсто пришли бы иные; а если бы убиты были шведы, стало бы ихъ меньше, тѣмъ болѣе, какъ нынѣ слышимъ, подѣ Львовомъ ихъ было немного. Дѣла саксонскаго не покажутся хра- брыми, потому что хитростію ищетъ побѣды безъ тру- довъ, а между тѣмъ воинскія дѣла требуютъ не только хитрости, но и дѣла, понеже Аристотель пишетъ въ правоучительной своей философіи, что добродѣтель не въ томъ состоитъ, что вѣдати, а въ томъ, что дѣлати. Богомъ утвержденный мой! что жалѣешь казаковъ, буде умрутъ? зане, буде умрутъ, есть мученики. Въ Львовѣ была одна горсть шведовъ и казаки могли бы погло- тить ихъ живыхъ. Воинское дѣло нѣсть для какого

упрямства, но для православія, и безъ бѣдства какъ можетъ получить конецъ, который ему доведется? Есть и стыдъ отъ людей, что вышло столько тысячъ казаковъ съ гетманомъ своимъ, и обратятся назадъ безъ дѣла. А есть и иное: когда воюють, сколько живы останутся, научаются воинскому дѣлу, а какъ сидятъ, такъ и не воюють, и во время нужды ни къ чему негодны. А буде есть такіе люди, каторые чають, что исправленіе воинское дѣлается безъ бѣды, безъ труда, безъ смерти, — они бы сдѣлали себѣ по камилавкѣ и пошли бы жить въ монастырь и четки свои перевертывали бы“.

Присылалъ Досиѳей политическія вѣсти въ Москву и въ послѣдующее время. Такъ въ Январѣ 1705 года онъ писалъ государю, что новый турецкій визирь, „безчеловѣчный и христіаноборецъ“, сталъ раздавать государственныя должности своимъ сторонникамъ; когда ѣхалъ къ султану, „то ѣхалъ всегда съ великою помпою“, и всѣмъ этимъ навлекъ на себя подозрѣніе султана, который и велѣлъ его утопить. На мѣсто его визиремъ поставленъ челоувѣкъ молодой, ничтожный и весьма непотребный. Когда турки услышали, что въ Каменцы вошелъ Дмитрій Голицынъ съ двѣнадцатю тысячами войска, „то утѣшилъ весь синклитъ, хотя не явно, но тайно. Въ виду этого опять рѣшили войну противъ васъ и стали дѣлать къ тому разныя приготовленія“. Свои сообщенія Досиѳей заключаетъ: „три вещи недостаетъ нынѣ въ семь царствѣ: разума, единомыслія и денегъ“. Въ 1706 году Досиѳей пишетъ боярину Головину: „мы пишемъ токмо нужнѣйшее и подлиннѣйшее всего, — что и малыя и великія (въ Турціи), и вельможи и подданные отъ альфы и до омеги, всякъ щитится есть и пить, роскошится, хититъ, загра-

бить, а попеченія никакого иного, и походу, или ссорѣ, или войны ни есть, ни разумѣтся, но совершенный миръ и тишина“. Отъ 18 Октября Досиѳей пишетъ преемнику умершаго Головина Головкину: „здѣсь за нѣсколько дней слышно стало, что послалъ ханъ татарскій вѣдомость, будто калмыки и астраханцы, ваши подданные, желаютъ союза съ Портою и позволенія быть вашими непріятелями, однако люди хана крымскаго ихъ отвергнули; и хотя послѣ ходилъ господинъ Петръ (Толстой) къ визирю и доносилъ, что дѣло сіе будетъ причиною соблазна, однако еще до отъѣзда его къ султанскому намѣстнику, визирь и сенатъ слова хана уже отвергли.... Если ханъ татарскій писалъ сюда истину, что измѣняютъ подданные ваши, можете послать провѣдать и къ намъ ваше письмо, какъ и наши, пришлетъ съ любовію и безопасно мултянскій владѣтель. И такъ справедливо, когда пріѣзжаютъ къ вамъ люди его, принимайте ихъ съ великою любовію и честью, и жалуйте ихъ и довольствуйте, а наипаче потому, что владѣтель бѣдствуетъ отъ здѣшней власти и убыточится повсядневно, обличаемъ будучи отъ многихъ христіанъ и язычниковъ, что служитъ священному величеству, и при всемъ томъ пребываетъ на службѣ безлѣнностно и понынѣ“. Отъ 15 ноября того же 1706 года Досиѳей прислалъ грамоту государю, въ которой заявляетъ: онъ такъ долго не писалъ государю потому, что ранѣе писалъ обо всемъ боярину Головину, а недавно сообщилъ всѣ вѣсти въ письмѣ къ боярину Гавриилу Головкину, „и нынѣ, добавляетъ Досиѳей, новаго отсюда донести неимѣемъ ничего“. Правда онъ имѣетъ въ виду написать въ будущемъ государю „многая и нужная о церковныхъ дѣлахъ“, но теперь пишетъ и проситъ государя только объ одномъ, чтобы

онъ строго и рѣшительно запретилъ продавать плѣнныхъ шведовъ въ Турцію, чего никогда не дѣлаетъ ни какое другое христіанское государство; если же найдутся ослушники его повелѣнія, то они пусть подвергнутся смертной казни. Въ заключеніе грамоты Досиѳею замѣчаетъ: „мы здѣсь не токмо имѣемъ, елико возможно намъ, попеченіе о послѣ твоего царскаго величества, но и о людяхъ его, и много о томъ писать не доводитца“. Это была послѣдняя грамота Досиѳея въ Москву, такъ какъ 7 Февраля 1707 года онъ умеръ въ Константинополѣ.

Въ Москвѣ были въ высшей степени благодарны Досиѳею за присылаемыя имъ политическія вѣсти. На его грамоты ему отвѣчали или бояринъ Головинъ или же, иногда, и самъ государь. Такъ 27 Сентября 1704 года Головинъ пишетъ Досиѳею: „по неотложной моей къ блаженству твоему должности и раболѣпному благоговѣнію разсудихъ, во объявленіе къ вамъ благоговѣнія моего, симъ писаніемъ отдати блаженству вашему раболѣпное и земное поклоненіе, моля Вышняго, дабы сохранилъ васъ на пользу всего православнаго жительства зѣло здраво и благоденствующе отъ всякаго противнаго случая. Увѣдали есмы крайнее попеченіе и радѣніе, которое имѣетъ блаженство ваше о дѣлахъ державнѣйшаго самодержца, государя моего милостиваго, толико отъ окончанія дѣлъ, елико изъ доношеній посла нашего, что подавая совѣты и наученія въ дѣлахъ царскаго священнаго величества, наставляетъ и научаетъ его отечески, яко же и самъ онъ пишетъ, пребывая благодаренъ наученіями и совѣты блаженства вашего; и то я, по рабской моей должности, тотчасъ донесъ пресвѣтлѣйшему моему самодержцу, что спознавъ, его величество порадовался не мало, и воздастъ всякими

своими царскими, Богу изволившу, пришедъ къ Москвѣ, благодареніи блаженству вашему. Подобательно и впредь желаетъ величество его, дабы попеченіе имѣлъ блаженство ваше о дѣлахъ его величества какъ прежде такъ и нынѣ, и посла его наставлялъ, о чемъ онъ просить ваше блаженство. . . . При семъ же, яко есмь обязанный и чадо ваше, за отеческое блаженства вашего благословеніе и письменное посѣщеніе, колѣнопреклоннѣ кланяюся, желая, дабы и впредь меня содержалъ во своей отеческой любви, яко служителя вашего усерднаго и послушнаго“. Въ письмѣ отъ 28 Февраля 1705 года Головинъ пишетъ Досиѳею: „писанныя вашего блаженства въ Яссахъ въ Генварѣ мѣсяцѣ настоящаго 1705 года и присланныя съ знаменщикомъ молдавскаго воеводы, какъ ко всемилостивѣйшему моему самодержцу, такъ и ко мнѣ письма, пріяхомъ любезно и дружески, и содержаніе ихъ любезно и подлинно выразумѣли, наипаче и радовахомся о частыхъ перемѣнахъ язычниковъ, которое объявилъ намъ блаженство ваше. Дажь Господи и большую напасть нечестивымъ ко освобожденію благочестивыхъ, котораго вседушно и искренно желаемъ, яко единовѣрніи и чада восточныя церкви. А за объявленіе намъ выше именованныхъ радованій, вашему блаженству зѣло благодарствуемъ и оныя, когда объявлены и донесены были чрезъ мене священному и приснопочитаемому величеству, принялъ ихъ живаго гласа слова ваша милостиво, яко же и прочія ваши совѣты настоящія же и прежде учиненныя. . . .“ Отъ 4 Юля 1706 года Головинъ между прочимъ пишетъ Досиѳею: „благодаримъ блаженство ваше, что отъ своего добраго и отеческаго произволенія изволишь припоминать полезное величество его; просимъ и опять писать то, что находишь

полезнымъ“. Когда Головинъ умеръ и его мѣсто занялъ Гавріиль Ивановичъ Головкинъ, то онъ немедленно обратился съ письмомъ къ Досиѣю, въ которомъ заявляетъ: „просимъ ваше блаженство дабы и впредь какъ прежде при господинѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, и съ нами имѣли чрезъ писанія свои собесѣдованія и несомнѣваемся, что блаженство ваше, по обычной своей ко всѣмъ отеческой склонности, соизволить на сіе непременно; мы же, по возможности нашей, не пренебрежемъ явить подобающую вамъ службу нашу и знаки истиннаго послушанія нашего“.

Писаль Досиѣю благодарственныя за его службу грамоты и самъ государь. Такъ въ Ноябрьѣ 1704 года изъ Нарвы государь пишетъ Досиѣю: „грамоты ваша святости, писанные къ намъ изъ Яссы и присланные чрезъ гетмана нашего, мы воспріяли въ цѣлости и выслушали оныхъ любовно“, и затѣмъ просить Досиѣя: „подобное и впредь чинити изволите, мы же никохта, яко доброму нашему о святомъ Дусѣ отцу и ревнителю православія, милостивно воспоминати присно не отрицаемся“ и въ заключеніе просить еще прислать „подлинно“ вѣсти о всемъ, что узнаеть относительно вооруженія турокъ. Отъ 28 Февраля 1705 года изъ Москвы государь пишетъ Досиѣю: „блаженнѣйшій и премудрѣйшій владыко, господине, господине Досиѣе, святаго града Іерусалима и всея Палестины патріархо! Писаніе вашего блаженства, писанное въ Генварѣ 1705-го году, принялъ любезно, видя въ немъ исполненно доброжеланіе намъ и православнымъ. . . . Желаемъ и паки тожде попеченіе имѣйте о дѣлахъ нашихъ. Присемъ да дастъ Всемогущій блаженству вашему лѣта многа и спасительна. Сый по духу сынъ вашъ Петръ“¹.

¹ Книга наша: Снош. Іер. патр. Досиѣя съ русск. прав. стр. 262—280.

Служа вѣрою и правдою, не жалѣя живота своего, русскому царю и правительству, какъ самый довѣренный и ревностный политическій агентъ, Досиѣй въ то же время не забывалъ внимательно слѣдить по прежнему и за ходомъ русскихъ церковныхъ дѣлъ, чтобы преподавать, гдѣ нужно, совѣты, указанія, наставленія. Когда въ Іюль 1700 года нашъ константинопольскій посоль Украинцевъ, при возвращеніи въ Москву, былъ на прощаніи у патріарха, тотъ между прочимъ говорилъ послу, „чтобъ для дальняго разстоянія отъ царствующаго града Москвы поставленъ былъ епископъ въ Азовъ того ради, чтобъ христіанство распространялось и воспріимали отъ того епископа христіанское наученіе и имѣли въ сердцахъ своихъ страхъ Божій. А епископъ бы тотъ, живучи тамъ, ни въ какіе роскоши не вдавался и служителей у себя многихъ не имѣлъ, а поступалъ такъ, какъ подобаеть епископу, и, ревнуя апостольскимъ слѣдованіемъ, паче же распростирался ученіемъ своимъ и смиренномудріемъ“. Но этимъ словеснымъ наказомъ послу Досиѣй неудовольствовался. Отправляя въ томъ же 1700 году въ Москву своего племянника архимандрита Хрисанѣа, онъ писалъ съ нимъ государю: „уповаемъ слышати и уже слышали, что въ Азовъ святое и благое царство ваше повелѣлъ быти митрополиту; а ведется быти и епископомъ по городамъ, потому что много епископовъ бываетъ причина, чтобъ были добрые и богомудрые, и дабы не учинили тягости царской казны, житіе ихъ чтобы было по древнему обычаю католической церкви, сирѣчь, смиренные, а наипаче понеже суть сосѣди наши, чтобы было и житіе ихъ, якоже наше,—патріархи и здѣсь въ Царѣградѣ наипаче пѣши ходятъ. Архіереи суть нищіе и прежь сего были, какъ познается отъ исторіяхъ и отъ собранія вселен-

скихъ соборовъ, что такъ нищіе были, что цари ихъ кормили, платья дорогія духовнымъ людямъ не пристойно, а носили такія платья иконоборцы. И буде изволить, прочтите правило шестое на десять вселенскаго седьмаго собора, которое весьма низвергаетъ. Тѣмъ же кратчайшій и Богомъ почтенный святой самодержче, мѣсто, которое взялъ мечемъ своимъ, почти апостольски, чтобы были и архіерей много, и чтобы были нищіе, якоже и апостоли, для правленія добраго тамошнихъ христіанъ“. Это предложеніе Досіоея было принято государемъ, который писалъ ему: „вашего блаженства по предложенію требуемъ того, чтобъ былъ въ томъ нашемъ градѣ Азовѣ престоль митрополитанскій и къ тому подвластные епископіи изъ области вашего архипастырства изъ архіереевъ или священномонаховъ, которые бѣ словенскаго языка и реченія знали, и могли бы тамошней странѣ нетолько что живущихъ христіанъ ко спасенію приводить, но и пограничныхъ бы народовъ изъ поганства въ благочестивую православную католическую вѣру греческаго закона навращать и въ оной утверждати были довольни суть, и подъ властію своего по градомъ, гдѣ належати будетъ съ нашего повелѣнія, тѣ епископіи ученіемъ утверждати. И сего бы ради ваше блаженство, воспріявъ сего нашего царскаго величества грамотою извѣстіе, въ тамошнихъ вашихъ странахъ избравъ житіемъ искусныхъ и въ свободныхъ наукахъ ученыхъ и въ словенскомъ реченіи знаемыхъ, изъ архіереевъ или архимандритовъ или изъ священномонаховъ, епископскаго сана достойныхъ, на тую именованную азовскую митрополию и для иныхъ епископій російскихъ къ намъ великому государю, къ нашему царскому величеству, отпустили бѣ двухъ или трехъ человекъ; а мы великій государь, наше царское

величество, такихъ архіереевъ или архіерейскаго сана достойныхъ особъ и постоянного житія всеисполненныхъ, когда присланы будутъ, съ премногою нашею милостію воспріяти и по достоинству удоволити ихъ будемъ“. На это предложеніе государя вызвать съ православнаго востока образованныхъ, знающихъ славянскій языкъ лицъ, для занятія архіерейскихъ кафедръ въ Россіи, Досіоей отвѣчалъ: «въ еллинскихъ мѣстахъ таковыхъ нѣтъ: въ Сербіи и Булгаріи и въ окрестныхъ мѣстахъ сербы много зла терпятъ отъ іезуитовъ, и здѣсь въ Ерделии называемый кесарь и августъ даетъ указы и повелѣваетъ православнымъ христіанамъ свободнымъ быти, но является лживымъ и лицемернымъ, ибо иное говоритъ и иное творитъ; и сіе такъ должно быть вездѣ, гдѣ Римъ и гдѣ тотъ ложный царь римскій, имѣющій титуло отъ лживаго епископа римскаго безъ всякой благословной вины и такъ онъ иное пишетъ и повелѣваетъ для православныхъ, а іезуиты иное творятъ, однако все съ его изволенія. Сербы же въ Ипеки находящіеся отъ нищеты, отъ войнъ, отъ податей какъ бы несуществуютъ. Только въ римлянахъ (т. е. грекахъ) обрѣтаются мудрые и истинно добродѣтельные люди, и изъ нихъ попечемся послать нѣкихъ учителей младыхъ возрастомъ школы ради и мѣста. Когда они туда придутъ и услышится, что обрѣли милость вашего величества, придутъ послѣ нихъ и другіе и научатся удобно словенскому діалекту и употребитъ ихъ ваша боговѣнчанная и богоутвержденная держава гдѣ и какъ укажетъ“¹.

Когда умеръ патріархъ Адріанъ и мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола сдѣлался Стефанъ Яворскій, Досіоей отнесся къ этому крайне подозрительно, опа-

¹ Турецкіе статейные списки № 27, л. 1252; Греч. дѣла 1700 г. № 1; 1702 г. № 1.

саясь какъ бы южно-руссь Яворскій не былъ поставленъ въ московскіе патріархи, въ чемъ онъ видѣлъ угрозу чистотѣ московскаго православія, такъ какъ южно-руссы, и между ними самъ Яворскій, были заражены, по его мнѣнію, латинскими воззрѣніями, воспринятыми ими въ латинскихъ школахъ. Въ виду этого Досиѳей въ 1702 году шлетъ царю очень настойчивый совѣтъ ни подѣ какимъ видомъ неизбирать въ митрополиты, а тѣмъ болѣе въ патріархи изъ выходцевъ иностранцевъ, а только изъ природныхъ москвичей. „Если придутъ отъ сюда, пишетъ онъ царю, сербы, или греки, или отъ инаго народа къ вамъ, хотя бы случайно были мудрѣйшіе и святѣйшіе особы, ваше державное царствіе ни когда да не поставитъ митрополитомъ или патріархомъ грека, серба, или русянина, но москвитянь, и не просто москвитянь, а природныхъ многихъ и великихъ ради винъ, хотя бы и не мудрые были: по елику если патріархъ и митрополитъ добродѣтельны и мудры—великое добро; если же и не суть мудры, довлѣетъ имъ добродѣтельными быть, и да имѣютъ мудрыхъ клириковъ и въ иныхъ чинахъ. Наипаче же москвитяне суть хранители и хвалители своихъ догматовъ, но грекамъ и сербамъ и русянамъ не подобаетъ имѣть власть въ Московіи, ибо могутъ быть они и добры, но можетъ быть и противное. Къ тому же москвитяне хранятъ отеческую вѣру неизмѣнно, будучи не любопытательны и не лукавы; но тѣ странники, которые ходятъ здѣсь и тамъ, могутъ привнести нѣкія новости въ церковь, юже да сохраняя добрѣ, знаетъ великое ваше царствіе, какіе труды понесъ приснопамятный и присноблаженный, величайшій автократоръ, государь Алексій Михайловичъ, отецъ вашего святаго царствія. Внемли убо святѣйшій и божественнѣйшій владыко, чтобы не возвести на великій

архіерейскій престолъ какого либо страннаго; и много-разумно сотворило великое ваше царствіе, что изъ Азова выслало онаго грека: да будетъ тамъ митрополитъ москвитянинъ природный, не лукавый и не любопытательный, и да имѣетъ русяновъ, грековъ и сербовъ учителями“.

Обращеніемъ къ царю, чтобы въ патріархи и митрополиты на Руси не избирались греки, сербы, русяны и вообще иностранцы выходцы, а только одни природные москвичи, причемъ Досиѳей имѣлъ въ виду главнымъ образомъ подозрительнаго въ его глазахъ Стефана Яворскаго, онъ однако неограничился, а отъ 15 Ноября 1703 года онъ обратился съ грамотою къ самому Яворскому. Въ ней онъ укоряетъ Яворскаго въ томъ, что онъ „на нѣкоторой трапезѣ со многими прохладяся“, причемъ присутствовали и нѣкоторые греки, „опорочилъ восточную церковь о совершеніи святѣйшія тайны благодаренія“, что своимъ знаніемъ латинскаго языка онъ пользуется не для обличенія „латинскихъ басней“, а чтобы смѣло и дерзостно писать противъ восточной церкви, какъ это видно изъ его сочиненій, которыя теперь находятся въ рукахъ Досиѳея; что Яворскій, еще будучи учителемъ въ кievской школѣ, „положенія общая издалъ еси, противныя явно совершенію святаго тайны божественнаго благодаренія и иныхъ нѣкихъ“. Далѣе Досиѳей объясняетъ, что онъ писалъ уже государю, чтобы не ставилъ въ Москвѣ патріархомъ ни грека, ни кого либо изъ Малой и Вѣлой Россіи, учившагося въ странахъ и школахъ латинскихъ, а только природнаго москвича. Грекъ не удобенъ для московскаго патріаршества уже по тому одному, что онъ иноязыченъ, а малороссы потому, что живя съ латинами „пріемлютъ многіе нравы и догматы оныхъ“, чему живымъ примѣ-

ромъ служить самъ Яворскій. По этому московскій патріархъ долженъ быть природнымъ москвичемъ, такъ какъ патріархи московскіе всегда были строго православны, ни когда не уклонялись „ниже на право, ниже на лѣво“. Между тѣмъ, съ переходомъ церковнаго управленія въ руки Стефана, въ церквахъ уже объявились вѣянія, которыя восточная церковь, сирѣчь католическая церковь, всегда отметала и отгоняла, а онъ, Стефанъ, боится обличать нововводителей, что смѣло дѣлалъ патріархъ Іоакимъ. По этому-то московскимъ патріархомъ и долженъ быть только москвичъ, „хотя бы и не мудрый въ церковныхъ дѣлахъ, довольно есть и то, что бы былъ разумный и смиренный и житія благочестиваго, и имѣя окрестъ себя мудрыхъ, сирѣчь, вѣдомыхъ церковныхъ нравовъ и догматовъ“. Въ заключеніе Досиѳей пишетъ Яворскому, что если онъ воистину исправится и докажетъ и словомъ и дѣломъ свое строгое православіе, „будешь и отъ насъ и отъ прочихъ братій (признавъ какъ) искренній архіерей и превозлюбленнѣйшій братъ“, но, прибавляетъ Досиѳей, подъ условіемъ удовольствоваться „только тѣмъ чиномъ, который нынѣ получилъ еси, нежелая ничего большаго“, т. е. патріаршества; въ противномъ случаѣ, т. е. еслибы Стефанъ и сдѣлался патріархомъ, „то, говоритъ Досиѳей, хотябы и казался во всемъ православнымъ, ниже мы, ниже прочіе святѣйшіе патріархи безъ церковнаго негодованія и полезной епитеміи будемъ терпѣти (тебя) во пристойномъ (до удобнаго) времени“.

Не смотря на эти грамоты Досиѳея Яворскій по прежнему оставался мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола, и казалось даже вѣроятнымъ, что царь сдѣлаетъ его московскимъ патріархомъ. Въ виду этого Досиѳей въ 1705 году снова обращается къ государю

съ настойчивымъ требованіемъ отрѣшить Яворскаго отъ занимаемой имъ должности мѣстоблюстителя патріаршаго престола. „Списокъ посланія, пишетъ Досиѳей царю, каково послали мы прежде къ господину Стефану, намѣстнику патріаршаго престола, да изволить прочести великое твое царствіе, выразумѣвъ укорителя и хульника восточныхъ, таже реши, католическія церкви, ругателя и хульника отцевъ и праотцевъ нашихъ, ругателя и хульника святыхъ, да сотворить отмщеніе блаженныхъ отцевъ и праотцевъ вашихъ и всѣхъ православныхъ, и да не понесетъ тое, еже оставити его въ такой чести, хотя и успокается и напишетъ противная въ книгахъ хуленія своего, въ тѣхъ же да умолчаетъ и отъ чести пречестныя да лишается. А какія суть хулы его, объемлетъ книга, которая напечатана въ мулянской землѣ и написана на имя вашея великія и самодержавныя державы.“ Затѣмъ Досиѳей преподаетъ царю совѣты, кого ему слѣдуетъ избрать въ Московскіе патріархи. „Аще великое твое царствіе, пишетъ Досиѳей, имѣетъ намѣреніе учинити избраніе патріарха, да повелитъ, чтобъ не учинилося избраніе особы изъ казаковъ и (мало) россіянъ и сербянъ и грековъ, за не суть много смѣщени и сплетени съ схизматиками и еретиками, тѣмъ же ниже имутъ не лестна и чиста во всемъ православнаго догмата, но да повелите быти избранію особы изъ самаго москвича; а чтобъ былъ старъ и добраго гражданства (житія), за не москвитяне патріархи покамѣстъ были, хранили цѣлу православія проповѣдь; и чтобъ былъ такой чловѣкъ, который смотрѣлъ бы одну только церковь, а отъ политическихъ былъ бы отлученъ и не писался бы господинъ и патріархъ, но только архіепископъ и патріархъ; и хотя не будетъ философъ, довольно ему знати церковная, и можетъ

имѣти архіереевъ или клириковъ мудрыхъ, служащихъ ему. Есть и другое: что москвитяне патріархи какъ церкви, такъ и царства не бываютъ навѣтники и предатели. Есть и еще: да не явится въ мірѣ, что не осталось потребныхъ людей изъ москвитянъ и возводятся странные на патріаршеской престолѣ“. Послѣ этого Досиѳей проситъ царя, чтобы онъ повелѣлъ патріарху: „елика новоустановишася (послѣ смерти царя Алексѣя Михайловича) въ церкви яко же важная (шествіе патріарха на ослати въ Вербное воскресенье) и оныя комидіи, которыя составлены отъ нѣкоторыхъ въ праздники, игры папешскія, отъ сердца дьявольскаго произведенныя, или что иное причинило, хотя велико, хотя не велико, дабы имѣлъ власть и указъ святѣйшій патріархъ истребить тая изъ церкви, и токмо бы оставилъ она, яже бѣша древняя и отечественная“. Въ то же время Досиѳей преподаетъ наставленія и о томъ, какъ слѣдуетъ самому царю относиться къ церковнымъ дѣламъ и правильно вести ихъ, именно онъ даетъ совѣтъ, „дабы имѣлъ великое и святое твое царствіе попеченіе единого токмо государства и церковь бы всегда была мирна и безмятежна. Да повелитъ доблестно и твердо, за не если случится какое взысканіе церковное, да не будетъ рѣшеніе въ тамошнихъ странахъ, чтобъ не причинились пренія и сумнительства и главолюбія царей, но дабы писана была грамота къ четыремъ святѣйшимъ патріархамъ, и потомъ да взыскуется рѣшеніе. Сіе, всеблагій государь, нѣсть новое и новоустановленное, но древнее и отечественное, потому что тако творили блаженныя и приснопамятныя отцы и праотцы святаго твоего царствія“. Въ заключеніе своей грамоты Досиѳей снова возвращается къ вопросу, ранѣе имъ не разъ уже предлагавшемуся вниманію русскаго правительства,

именно къ вопросу объ увеличеніи въ Россіи количества архіерейскихъ кафедръ, причемъ онъ настаиваетъ что бы въ большихъ городахъ устроены были митрополитанскія кафедры, съ зависящими отъ нихъ кафедрами простыхъ епископовъ. „Молимъ, пишетъ Досиѳей, понеже великое и святое твое царствіе взялъ много мѣсть у шведовъ, да не поставитъ архіерея тамо, но да поставитъ архіерея въ Петрополь, а другаго въ Нарвѣ, чтобы было удобнѣйшее церковное поученіе. Наипаче и сіе полезнѣйше есть, дабы былъ митрополитъ въ большихъ городахъ, а въ иныхъ епископы, подлежащіе митрополиту, и тако да возрастаетъ преданіе православныя вѣры. И аще будетъ какое нибудь препятіе въ тамошнихъ странахъ—архіереевъ украшеніе и расходы многія, тогда сотворитъ власть вашего царскаго величества меньше, какъ имѣли то въ Царьградѣ архіерее во время святыхъ самодержцевъ, и яко же творимъ и мы, что расходы наши суть равны съ единымъ игуменомъ наименьшаго монастыря, и на одежды наши всѣ неизойдетъ пятисотъ копѣекъ. При семъ молимъ и просимъ о сихъ, добавляетъ Досиѳей, со всякимъ духовнымъ дерзновеніемъ вашу почтеннѣйшую и божественнѣйшую державу, и тмишно молимъ, да неотлучимся отъ того, понеже взыскуются, яко же речеся, отъ страны Божія и ради Бога“.

Не задолго до своей смерти, именно отъ 15 Ноября 1706 года, Досиѳей прислалъ государю грамоту, въ которой заявляетъ, что онъ имѣетъ въ виду въ будущемъ нарочно писать государю „многая и нужная о церковныхъ дѣлахъ“, но смерть помѣшала ему выполнить это намѣреніе¹.

Почти сорокъ лѣтъ патріархъ Досиѳей находился

¹ Греческія дѣла 1702 г. № 1; 1703 г. № 1; 1705 г. № 1; 1706 г. № 1.

въ постоянныхъ непрерывныхъ сношеніяхъ съ Россіей, принимая самое живое и дѣятельное участіе въ ея церковной, государственной и общественной жизни. Если онъ, какъ выдающійся борецъ за православіе, какъ выдающійся писатель и ученый, какъ правитель-іерархъ, принадлежитъ православному востоку, то въ значительной степени онъ принадлежитъ и русской исторіи, какъ ея видный дѣятель.

Широки и постоянны были въ XVII вѣкѣ сношенія Россіи со всѣмъ православнымъ востокомъ: изъ разныхъ его мѣстъ шли въ Москву представители всѣхъ общественныхъ положеній и ранговъ,—шли патріархи, архіепископы, митрополиты, епископы, настоятели знаменитыхъ и незнаменитыхъ на востокѣ монастырей, шли простые иноки и разные бѣльцы; одни — чтобы испросить у русскаго царя милостыню на уплату долговъ своей епархіи или обители, другіе на выкупъ своихъ родныхъ, третьи для полученія милостыни на удовлетвореніе личныхъ нуждъ; иные шли въ Москву съ торговыми цѣлями, чтобы выгодно продать здѣсь привезенные ими по преимуществу „узорочные“ товары, иные шли чтобы временно пожить въ Москвѣ на даровыхъ царскихъ хлѣбахъ и питьяхъ, иные навсегда оставались въ Москвѣ или въ качествѣ царскихъ богомольцевъ, или въ качествѣ служилыхъ людей. Многіе изъ просителей милостыни старались стать къ русскому правительству въ возможно близкія отношенія: они вызывались быть тайными русскими политическими агентами въ Турціи, обязуясь разузнавать о всемъ, что въ ней дѣлается и доносить объ этомъ въ Москву. Русское правительство, неимѣвшее тогда въ Турціи своихъ постоянныхъ пословъ и, слѣдовательно, не могшее получать прямыхъ и постоянныхъ свѣдѣній о происходящемъ въ Турціи,

очень дорожило всѣми вѣстями изъ Турціи „о государевыхъ дѣлахъ“, и потому охотно принимало къ себѣ на службу разныхъ „гречанъ“, какъ тайныхъ политическихъ агентовъ. Послѣдніе по мѣрѣ силъ исполняли свою рискованную службу, въ видахъ полученія за нея платы отъ московскаго правительства, а также и въ видахъ послужить и своему угнетенному турками отечеству, такъ какъ на православномъ востокѣ все болѣе и болѣе распространялась и укрѣплялась та мысль, что московскій православный царь, единый теперь въ цѣломъ мірѣ, призванъ самимъ Промысломъ освободить всѣ православные народы отъ турецкаго ига, почему служить московскому царю, значитъ служить дѣлу освобожденія всѣхъ православныхъ народовъ. Но служба нашихъ политическихъ тайныхъ агентовъ въ Турціи обыкновенно не шла далѣе пересылки разныхъ случайныхъ политическихъ вѣстей, иногда очень мелочныхъ, неважныхъ или запоздалыхъ, и неprovѣренныхъ. Кромѣ того большинство агентовъ служило Россіи по большей части очень недолго, прекращая всѣ сношенія съ московскимъ правительствомъ при первой малѣйшей опасности.

Совершенно иное положеніе относительно русскаго правительства занялъ въ этомъ отношеніи патріархъ Досиѳей. Онъ также былъ собственно тайнымъ русскимъ политическимъ агентомъ въ Турціи, но былъ имъ непрерывно почти цѣлые сорокъ лѣтъ и не просто, какъ другіе агенты, только сообщалъ въ Москву, что узнавалъ и слышалъ, былъ не простымъ передатчикомъ вѣстей, а всегда сопровождалъ, какъ русскій государственный дѣятель, сообщаемое имъ своими разъясненіями и соображеніями, давалъ нашему правительству свои совѣты и указанія и, иногда, очень настойчиво и

рѣшительно, стремился направить внѣшнюю политику русскаго правительства по тому пути, который онъ считалъ лучшимъ, стремился заставить ее дѣйствовать тѣми способами и средствами, на которые онъ указывалъ, причемъ выражалъ очень мало охоты одобрять тѣ шаги русской политики, которые расходились съ его собственными планами и указаніями. Какъ политическій агентъ Досиѳей представляетъ изъ себя рѣдкій въ православномъ мѣрѣ типъ верховнаго іерарха церкви, погруженнаго въ политическія дѣла, ревностно и съ увлеченіемъ служащаго политическимъ интересамъ державы, подданнымъ которой онъ не состоитъ, при чемъ свою службу Россіи ему приходилось нести крайне осторожно, при постоянномъ опасеніи потерять не только свое патріаршее достоинство и честь, но и самую жизнь, такъ какъ при малѣйшей оплошности съ его стороны турецкое правительство предало бы его позорной казни какъ государственнаго измѣнника.

Патріархъ Досиѳей служилъ русскому правительству потому, что видѣлъ въ русскомъ царѣ преемника и продолжателя дѣятельности прежнихъ греческихъ благочестивыхъ царей, единственнаго теперь въ цѣломъ мѣрѣ защитника и поборника вселенскаго православія, которое неимѣетъ, помимо русскаго царя, другой опоры и другаго покровителя, который бы могъ стоять на стражѣ его интересовъ. Служить русскому царю, не щадя даже живота своего, служить ему беззавѣтно, даже до послѣдняго дыханія своей жизни, значило, по мнѣнію Досиѳея, служить вселенскому православію, значило содѣйствовать его преуспѣянію и процвѣтанію, — это обязанность такъ сказать религіозная, которая лежитъ на всякомъ православномъ человѣкѣ, отъ выполненія которой никто не можетъ уклониться — даже

самые верховные представители церкви — патріархи. Кромѣ того Досиѳей былъ горячій патріотъ, видѣвшій въ Россіи орудіе для освобожденія грековъ отъ турецкаго ига, такъ что служить Россіи, содѣйствовать развитію и укрѣпленію ея могущества, такъ или иначе помогать ей преодолѣвать своихъ враговъ, значило, по мнѣнію Досиѳея, готовить и содѣйствовать освобожденію своего народа. Этими воззрѣніями Досиѳея на призваніе русскаго царя и Россіи и объясняется, почему Досиѳей такъ горячо и дѣятельно занимался всѣми политическими дѣлами Россіи, почему онъ желалъ иногда дать имъ тотъ, а не другой ходъ и направленіе, почему онъ преподавалъ русскому правительству совѣты не только въ церковной и дипломатической сферахъ, но и поучалъ царя, какъ ему слѣдуетъ относиться къ казакамъ, давалъ совѣты относительно обученія войска, порицалъ воеводу Голицына за его военную недѣятельность въ Польшѣ противъ шведовъ, презрительно отзывался о тѣхъ, которые боятся бѣдствій войны, совѣтуя такимъ надѣтъ на себя монашескія камилавки и заниматься перевертываніемъ четокъ. И чѣмъ долѣе Досиѳей служилъ Россіи, чѣмъ глубже проникался онъ русскими интересами, тѣснѣе сливался съ ними, тѣмъ шире, разнообразнѣе и вліятельнѣе по отношенію къ Россіи становилась его дѣятельность, тѣмъ большее значеніе она получала въ глазахъ русскаго правительства. Въ Москвѣ не только дорожили тѣми вѣстями, которыя сообщалъ Досиѳей, но и внимательно прислушивались къ его политическимъ совѣтамъ и указаніямъ; всѣ наши послы, бывшіе въ Турціи во время патріаршества Досиѳея, такіе государственные мужи, какъ канцлеры Головинъ и Головкинъ, высоко цѣнили политическія услуги Досиѳея, считали его

своимъ благодѣтелемъ, всегда выражали ему свое глубокое уваженіе и почтеніе. Но этого мало. Самъ государь, Великій Петръ, признавалъ Досиѳея большимъ знатокомъ турецкихъ дѣлъ, умѣющимъ и получить о нихъ вѣрныя свѣдѣнія и хорошо понять ихъ смыслъ и значеніе въ приложеніи къ отношеніямъ Турціи къ Россіи; видѣлъ въ немъ человѣка тонко знавшаго политическія приемы и тактику турецкаго двора, почему онъ и приказывалъ своимъ посламъ въ Турціи находиться въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Досиѳеемъ и о всемъ съ нимъ совѣтываться, а Досиѳея просилъ во всемъ помогать нашимъ посламъ, подавать имъ свои совѣты и руководить ими въ затруднительныхъ случаяхъ. Въ то же время царь просилъ Досиѳея неопустительно писать къ нему въ Москву обо всемъ, что дѣлается въ Турціи, причемъ на грамоты Досиѳея отвѣчалъ ему посланіями, въ которыхъ заявлялъ Досиѳею, что имѣетъ его „паче прочихъ всѣхъ о Христѣ возлюбленнаго отца и пастыря и великодушнаго мужа“, заявлялъ, „что его блаженство прославляется паче всѣхъ иныхъ архипастырей православныхъ“. Эти царскія посланія, которыми такъ дорожилъ Досиѳей, побуждали его еще ревностнѣе и беззавѣтнѣе предаться службѣ русскому царю, слово котораго онъ принималъ какъ слово самого Бога.

Но политическая дѣятельность не заслоняла собою въ Досиѳеѣ верховнаго іерарха церкви. Онъ, какъ одинъ изъ вселенскихъ патріарховъ, постоянно стоялъ на стражѣ всего вселенскаго православія, вездѣ и всюду наблюдая за его состояніемъ, за отношеніемъ къ нему иновѣрцевъ, за грозящими ему напастями и бѣдами, всѣмъ и всюду готовый помочь и словомъ и дѣломъ. По мнѣнію Досиѳея, „дѣло святыхъ патріарховъ есть —

имѣть попеченіе о всѣхъ церквахъ“ и что такъ какъ патріархи „господственная часть суще соборныя церкви“, то и обязаны „говорить о соборной церкви на всякомъ мѣстѣ и во всемъ мірѣ“. Особенно же къ этому призваны патріархи іерусалимскіе, которые, ради сбора милостыни, принуждены бываютъ посѣщать всѣ православныя страны и здѣсь лично знакомиться съ положеніемъ православія у разныхъ народовъ. „Проповѣдь евангельская, наученіе христіанъ благимъ нравамъ, утвержденіе ихъ въ православіи, обличеніе еретиковъ и вообще трудъ для общаго блага православной церкви“, составляетъ, по мнѣнію Досиѳея, преимущественное призваніе патріарховъ іерусалимскихъ, которые по преимуществу призваны быть стражами православія повсюду, борцами съ иновѣріемъ, учителями и наставниками всѣхъ православныхъ, ревностными охранителями во всемъ православномъ мірѣ древнихъ церковныхъ чиновъ и обычаевъ, такъ какъ, по заявленію Досиѳея, въ іерусалимской церкви по преимуществу сохраняется доселѣ ненарушимо все каноническое и церковное право и содержится древній чинъ и обычай православной церкви какъ неизмѣняемый образецъ. Но свою высокую миссію относительно всего вселенскаго православія іерусалимскіе патріархи могутъ выполнить только подъ условіемъ тѣснаго постоянного единенія и общенія между частными православными церквами, когда ихъ представители будутъ находиться между собою въ непрерывныхъ постоянныхъ сношеніяхъ, когда всѣ, сколько нибудь важныя и значительныя вопросы, возникающіе въ той или другой помѣстной церкви, будутъ обсуждаться и рѣшаться съ согласія и голосомъ всѣхъ вселенскихъ православныхъ патріарховъ, такъ какъ только подъ условіемъ этого единенія и постоянного

взаимообщенія разныхъ помѣстныхъ церквей между ними сохранится „союзъ любви и единеніе въ духѣ мира“, а „достоинство апостольской католической вѣры останется не только не умаленнымъ, но и обновленнымъ и непоколебимымъ“. Самъ Досиѳей весь былъ проникнутъ этой идеей необходимости тѣсной связи и взаимообщенія всѣхъ помѣстныхъ православныхъ церквей, въ этомъ духѣ онъ всегда и дѣйствовалъ. Почти всѣ помѣстныя православныя церкви испытали на себѣ архипастырскую заботливость Досиѳея, но русская церковь привлекала къ себѣ его особенное вниманіе. Почти во всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ и замѣтныхъ явленіяхъ русской церковной жизни послѣдней четверти XVII столѣтія и первыхъ годовъ XVIII, Досиѳей принималъ болѣе или менѣе живое и дѣятельное участіе. Возникъ у насъ вопросъ о возвращеніи патріаршаго достоинства Никону при посредствѣ восточныхъ патріарховъ, — Досиѳей является главнымъ устройтеlemъ и рѣшителемъ этого дѣла. Нужно было нашему правительству уладить съ константинопольскимъ патріархомъ дѣло о подчиненіи кievской митрополіи московскому патріарху, — посредникомъ и въ этомъ дѣлѣ является Досиѳей. Пожелали въ Москвѣ открыть настоящую правильно устроенную школу, — къ Досиѳею обращаются съ просьбою подыскать для нея на востокѣ подходящихъ учителей, что онъ и исполняетъ. Возникаетъ у насъ вопросъ о времени пресущественія св. даровъ и возбуждаетъ горячіе споры, — Досиѳей присылаетъ въ Москву нѣкоторыя произведенія греческихъ церковныхъ писателей, которыя помогаютъ русской церкви прочнѣе и строже утвердить православное ученіе о времени пресущественія св. даровъ. Доходятъ до Досиѳея вѣсти, что въ южно-русскую церковь вкра-

лись нѣкоторыя непорядки, подъ влияніемъ сожителства православныхъ съ латинами, — онъ немедленно обращаетъ вниманіе нашего правительства на эти непорядки и настаиваетъ, чтобы предприняты были рѣшительныя мѣры къ ихъ искорененію. Слышитъ Досиѳей, что на Руси появились раскольники, возмущающіе миръ церкви, стремящіеся порвать связи русской церкви съ греческою вселенскою, — онъ обращается къ государямъ (въ 1686 г.) съ наставленіемъ, чтобы они по примѣру своего отца „разрушили еретиковъ безграмотныхъ и бездушныхъ и даже убили ихъ“, такъ какъ, увѣряетъ Досиѳей, „хотя древніе и не убивали ересеначальниковъ“, но теперь другое время: „нынѣ сіе подобаетъ“. Досиѳей не разъ поучалъ нашихъ государей, какъ они должны относиться къ дѣламъ вѣры и церкви, какъ и какимъ путемъ должны рѣшать разные возникающіе церковные вопросы, поучалъ какихъ людей имъ слѣдуетъ избирать въ патріархи, настаивалъ, чтобы они въ интересахъ вѣры увеличили на Руси количество архіерейскихъ кафедръ и т. под. Съ московскими патріархами Досиѳей желалъ поддерживать постоянную переписку, чтобы совмѣстно обсуждать текущія церковныя дѣла, улаживать возникающіе церковные вопросы и недоумѣнія, причемъ поучалъ ихъ относительно надлежащаго исполненія ими лежащихъ на нихъ патріаршихъ обязанностей, давалъ имъ нѣкоторыя частныя совѣты и указанія, такъ, на примѣръ, совѣтуетъ патріарху Адріану усилить миссіонерскую дѣятельность среди сосѣднихъ невѣрныхъ народовъ по примѣру папешниковъ, „монаси которыхъ во всемъ мірѣ обходятъ и превращаютъ цѣлыя народы въ папешство“, совѣтуетъ позаботиться о защитѣ православныхъ въ Польшѣ, гдѣ ихъ тѣснятъ латиняне и т. под. Вообще Досиѳей

изъ своего далека внимательно наблюдалъ за всѣмъ ходомъ нашей церковной жизни, близко къ сердцу принималъ все происходившее у насъ въ церкви, всегда готовъ былъ преподать полезный совѣтъ, сдѣлать нужное указаніе, замѣтить неправильность и непорядокъ, при случаѣ предостеречь, наставить и обличить. Онъ хотѣлъ, чтобы не только русское государство было сильнымъ и могучимъ, но чтобы и русская церковь въ ученіи, во всемъ своемъ строѣ и жизни до послѣднихъ мелочей, была вѣрна ученію и обычаямъ вселенскаго православія, чтобы она ни въ чемъ, даже самомъ малѣйшемъ, не измѣнила завѣтамъ своихъ отцовъ. Если по отношенію къ русскому государству Досиѳеѣй является его ревностнымъ слугою, готовымъ на всякую услугу и жертву ради его успѣховъ и усиленія среди другихъ народовъ, то относительно русской церкви онъ является попечительнымъ заботливымъ отцомъ, ревниво оберегающимъ свое любимое дѣтище отъ всякой малѣйшей опасности, желающимъ, чтобы ея жизнь шла настоящимъ правильнымъ путемъ въ интересахъ славы и процвѣтанія всего вселенскаго православія.

Наконецъ нельзя не указать еще на одну характерную сторону въ отношеніяхъ патріарха Досиѳея къ Россіи.

Досиѳеѣй все время своего патріаршества провелъ въ борьбѣ съ иновѣрцами и особенно съ латинами, въ которыхъ онъ видѣлъ самыхъ злѣйшихъ и опаснѣйшихъ враговъ православія. Свою вѣроисповѣдную ненависть къ латинству и всему иновѣрному западу Досиѳеѣй перенесъ и на все западное: на науку, нравы, обычаи,— не только западныя вѣроученія, но и западная наука, нравы и обычаи, казалось ему, могутъ губительно и развращающимъ образомъ дѣйствовать на православныхъ.

Въ виду этого Досиѳеѣй напрягалъ всѣ свои усилія оберечь русскую церковь, русское государство и общество отъ всякаго вліянія злоторнаго запада: не хотѣлъ, чтобы русскіе усвоили себѣ западную науку, чтобы они перенимали западные нравы и обычаи, чтобы они находились съ западными народами въ какихъ либо близкихъ и постоянныхъ сношеніяхъ, такъ какъ все это, по его мнѣнію, поведетъ въ концѣ концовъ или къ гибели православія на Руси или, по меньшей мѣрѣ, къ его искаженію особенно латинствомъ. Въ своихъ грамотахъ къ нашему правительству Досиѳеѣй не разъ настаивалъ на томъ, чтобы выходцевъ изъ южной Руси, воспитанниковъ латинскихъ школъ, въ которыхъ они, по его мнѣнію, необходимо заразились латинствомъ, не допускать въ московскомъ царствѣ до занятія іераршихъ каѳедръ, а тѣмъ болѣе каѳедры патріаршей. Пусть патріархъ московскій, поучалъ Досиѳеѣй, будетъ всегда природный москвичъ и даже человекъ неученый, лишь бы только не выходецъ и воспитанникъ латинскихъ школъ, каковъ былъ, на примѣръ, Стефанъ Яворскій. Досиѳеѣю казалось, что при Стефанѣ Яворскомъ, мѣстоблюстителѣ московскаго патріаршаго престола, въ русскую церковь будто бы уже проникли нѣкоторыя латинскія новшества, какихъ въ ней не было при прежнихъ московскихъ патріархахъ. Но особенно Досиѳеѣй боялся, чтобы въ московскую Русь, когда тамъ рѣшено было устроить правильную постоянную школу, не проникъ латинскій языкъ и вмѣстѣ съ нимъ еретическія западныя книги. Досиѳеѣй крайне рѣшительно и настойчиво возставалъ противъ преподаванія въ московской школѣ латинскаго языка, доказывая, что русскимъ слѣдуетъ изучать только греческій языкъ, на которомъ писаны и св. писаніе и постановленія соборовъ и оте-

ческія произведенія и пр. Когда онъ узналъ, что посланные имъ въ Москву для учительства въ тамошней школѣ братья Лихуды преподають тамъ и латинскій языкъ, то настоялъ предъ нашимъ правительствомъ объ устраненіи Лихудовъ отъ преподаванія и объ изгнаніи изъ московской школы латинскаго языка. Какъ сильно Досиѳей боялся за русскихъ, если они будутъ знакомиться съ западною литературою, видно изъ его наставленій патриарху Іоакиму, чтобы онъ ни подъ какимъ видомъ не позволялъ своимъ пасомымъ имѣть у себя и читать книги западныхъ писателей, такъ какъ въ нихъ содержится „скверное и безбожное ученіе папныхъ поклонниковъ, или безбожное и скверное ученіе лютеровъ и кальвиновъ, понеже наполнены суть лести и лукавства и въ притвореніи благочестія имѣють ученіе безбожства“. Досиѳей даже прямо совѣтуетъ Іоакиму розыскивать, отбирать и сжигать латинскія книги у всѣхъ кто ихъ имѣетъ, а владѣльцевъ и чтецовъ этихъ книгъ—казнить. Очевидно далѣе идти въ этомъ направленіи было уже некуда...

Но латинскій языкъ, западная наука и книги составляли еще далеко не всѣ тѣ пути, съ помощію которыхъ еретическій западъ могъ проникнуть въ православную Русь: оставалась еще возможность непосредственнаго соприкосновенія и общенія русскихъ съ западными народами, благодаря путешествіямъ русскихъ за границу и т. под. Съ удивленіемъ, „вопреки всякаго чаянія“ услыхалъ Досиѳей объ отъѣздѣ самого русскаго царя въ западныя государства, но порицать этотъ шагъ царя конечно не смѣлъ. Но вотъ Досиѳей получаетъ извѣстіе, что царь посылаетъ своего сына—наслѣдника престола, въ Вѣну для обученія западнымъ наукамъ. Тутъ Досиѳей уже не выдержалъ и пишетъ

царю: „внемли божественнѣйшій и величайшій владыка не посылать изъ Москвы пресвѣтлѣйшаго сына вашего, да не пойдетъ въ чужія мѣста и научится не образованію, но иностраннымъ нравамъ, ибо не ложный сказалъ апостоль: портятъ благія нравы злая сообщества, Приснопамятные отцы и праотцы святаго вашего царствія и богоутвержденное ваше царствіе ни отъ какихъ франковъ не училися обычаю и наукамъ, а владѣли и владѣете едва не всею вселенною, будучи крѣпки, велики, страшны и непобѣдимы. А оныя франки, знающіе и образованные, что управили? только что ядятся и воюють между собою“. Но и этимъ дѣло не кончилось. На православномъ востокѣ распространилась вѣсть, что будто бы русскій царь хочетъ женить своего сына на иновѣрной западной принцессѣ. Тогда, вѣроятно не безъ вліянія Досиѳея, подвигся даже самъ вселенскій константинопольскій патріархъ, чтобы предохранить царя отъ задуманнаго имъ гибельнаго шага и вообще отъ сближенія съ иновѣрнымъ западомъ, отъ чего окончательно могло погибнуть православіе на Руси. Патріархъ тайно послалъ къ нашему послу въ Константинополь Толстому довѣренное лицо, которое заявило послу, что патриарху „слышно учинилось“, будто мѣстоблюститель патриаршаго престола въ Москвѣ—Яворскій „мудрствуетъ купно съ латыни и уже де нѣкоторыя догматы утвердилъ согласно съ латынскимъ“. Патріарху учинилось слышно и о томъ, „что нынѣ въ Москвѣ заведены школы латинскіе и многіе де есть езуиты и по домамъ честныхъ и благородныхъ людей учать дѣтей ихъ, такожде сообщились съ латыни платьемъ и прочимъ“. Для устраненія этихъ непорядковъ на Руси, „отъ чего можетъ благочестію быть умаленіе“, патріархъ уже думалъ было послать въ Москву

„архіереевъ двухъ или трехъ“, и только изъ боязни подозрительныхъ къ нему турокъ не могъ доселѣ исполнить этого своего намѣренія. Носится и еще одинъ слухъ, которому однако патріархъ и вѣрять отказывается: „говорятъ де въ народѣ, будто царское величество изволяетъ сына своего сочетать законнаго брака на сестрѣ цесаря римскаго? и ежели де сіе учинить, конечное де латинское мудрованіе въ російскомъ государствѣ возрастетъ, а благочестіе умалится. И вельми де ему патріарху о томъ удивительно: чего ради царское величество въ государствѣ своемъ сыну своему не изволить избрать невѣсту? или де мало въ Москвѣ благородныхъ честныхъ дѣвицъ избранныхъ и благочестивыхъ? и какія ради причины сопрящися крайнимъ свойствомъ со иновѣрными?“

Получалась, такимъ образомъ, очень характерная и любопытная картина: могучій геній Петра напрягалъ все усилія шире и прочнѣе связать умственно-культурную жизнь Россіи съ образованнымъ западомъ, всячески заботился пересадить на Русь западную науку, западную образованность, болѣе утонченные западные нравы и обычаи. Въ сближеніи съ образованнымъ западомъ, въ усвоеніи русскими западной науки и всехъ знаній, онъ справедливо видѣлъ самое главное и дѣйствительное средство сдѣлать Россію сильною и цвѣтущею; наоборотъ: въ разобщеніи съ западомъ, въ отсутствіи на Руси научныхъ знаній и образованія, онъ видѣлъ настоящую причину ея сравнительной слабости, ея неспособности играть подобающую ей выдающуюся роль среди образованныхъ народовъ запада. Руководимый этимъ взглядомъ на необходимость для дальнѣйшаго развитія Россіи науки и образованія, Петръ вездѣ искалъ свѣдущихъ и образованныхъ въ западномъ

смыслѣ людей, поощрялъ всякое сближеніе русскихъ съ западомъ, всякое усвоеніе ими западнаго образованія и знаній, хотѣлъ имѣть и самихъ іерарховъ церкви изъ людей прошедшихъ настоящую школу, усвоившихъ западную науку, въ надеждѣ, что такіе іерархи будутъ у насъ насадителями образованія въ народѣ. Между тѣмъ въ это же самое время беззавѣтно преданный царю и Россіи ученый патріархъ Досиѳей напрягалъ все усилія преградить на Русь доступъ западной наукѣ, западному образованію, западнымъ нравамъ и обычаямъ, хотѣлъ, на почвѣ вѣроисповѣдныхъ опасеній, построить между западомъ и Россіею прочную, непроницаемую стѣну, которая бы навсегда сдѣлала невозможнымъ всякое общеніе между православною Русью и иновѣрнымъ западомъ. Досиѳей хотѣлъ и настаивалъ, что если уже русскіе непремѣнно желаютъ учиться, то пусть они все свои знанія черпаютъ изъ одного только греческаго источника, а такъ какъ у тогдашнихъ грековъ источники истинно научныхъ знаній уже давно пересохли и сами греки за научными знаніями обращались въ западныя школы, то Досиѳей и хотѣлъ низвести всю будущую русскую науку на одно усвоеніе церковно-богословскихъ греческихъ произведеній, находя такую образованность вполне достаточною и пригодною для русскихъ; желалъ самихъ іерарховъ русской церкви видѣть лучше немудрыми и неучеными, нежели умудрившимися отъ изученія западной науки, такъ какъ онъ не могъ себѣ представить западной науки въ отвлеченіи отъ вѣроисповѣдныхъ особенностей, которыя, по его мнѣнію, невольно и необходимо усвоятся всякимъ изучающимъ науку.

Очевидно патріархъ Досиѳей вовсе не понялъ и даже не замѣчалъ того переворота, который, подъ мо-

гучимъ воздѣйствиємъ Петра, уже видимо для всѣхъ, совершался тогда въ цѣлой русской жизни, очевидно онъ не понималъ тѣхъ культурныхъ, государственныхъ и общественныхъ задачъ и цѣлей, какія преслѣдовалъ геній Петра, стремившійся, чрезъ усвоеніе русскими западной науки и образованія, придать Россіи новую силу и мощь. Досиѳей воспитался на почвѣ библейско-византійскихъ воззрѣній на государство и царскую власть, его идеаль правителя государства — это или библейскіе благочестивые цари или благочестивые цари греческіе, защитники и поборники всего вселенскаго православія, цари вмѣстѣ и архіереи, интересы вѣры и церкви ставившіе выше интересовъ гражданскихъ и государственныхъ, тѣ цари, которые въ своихъ дѣйствіяхъ болѣе полагались на помощь Божию и которые за свое благочестіе и попеченіе о благочестіи прославляются церковію какъ святые. Только такихъ царей зналъ и признавалъ Досиѳей, только такого царя хотѣлъ онъ видѣть и въ Петрѣ. Очевидно Досиѳей, постоянно сносившійся съ Петромъ, не зналъ съ какимъ человекомъ онъ имѣетъ дѣло, не зналъ того, что въ глазахъ царя Петра греческая нація была уже отжившею и выродившеюся, ея исторія правда очень поучительна для русскихъ, но не въ смыслѣ подражанія и заимствованія, а только какъ предостереженіе, какъ печальный опытъ, который русскимъ нелишне имѣть предъ глазами, чтобы избѣгнуть разныхъ ошибокъ, которыя окончательно погубили грековъ¹. Досиѳей ни какъ не подозрѣ-

¹ Опредѣля обязанности сената Петръ писалъ, что презрѣніе указовъ ничѣмъ не разнится съ измѣной, «такъ какъ въ концѣ оно приводитъ государство къ конечной гибели, какъ то въ греческой монархіи явный примѣръ имѣемъ». «Должно всѣми силами благодарить Бога, говорилъ Петръ, при поднесеніи ему сенатомъ названія Великаго, Отца Отечества Императора всероссійскаго,—но, надѣясь на мнрѣ, не ослабѣвать въ во-

валь и того, что побуждая царя, и довольно настойчиво, руководствоваться въ своей государственной дѣятельности исключительно примѣрами древнихъ благочестивыхъ греческихъ царей, убѣждая его и всѣхъ русскихъ всячески устраняться отъ всякихъ связей и сближенія съ иновѣрнымъ западомъ, бѣгать западной науки и образованія, какъ крайне гибельныхъ для русской церкви и государства, что тѣмъ самымъ онъ достигалъ совершенно противоположныхъ результатовъ. Изъ этихъ разсужденій, совѣтовъ и указаній безкорыстно и всецѣло преданнаго русскимъ интересамъ іерусалимскаго патріарха, человека во многихъ отношеніяхъ выдающагося и при томъ довольно ученаго, царь Петръ долженъ былъ убѣдиться, что при обновленіи всей русской государственной и общественной жизни—главной задачи его правительственной дѣятельности, греческій востокъ уже ничего не можетъ дать, что совершаемая царемъ преобразованія въ русской жизни не найдутъ болѣе на востокѣ ни пониманія, ни вѣрной оцѣнки, ни тѣмъ болѣе содѣйствія и помощи, что необходимыя для этого силы и средства нужно искать уже не на православномъ востокѣ, а на иновѣрномъ западѣ, гдѣ теперь процвѣтаютъ необходимыя для Россіи науки и всякія знанія. Конечно въ церковно-религіозной сферѣ прежняя связь съ православнымъ восткомъ должна продолжаться въ прежней силѣ, русская церковно-религіозная жизнь должна служить только продолженіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ древне гре-

енномъ дѣлѣ, дабы неимѣть жребія монархіи греческой». Въ одномъ изъ писемъ къ своему сыну Петръ писалъ: «не хочу многихъ примѣровъ писать, но точію равновѣрныхъ намъ грековъ: не отъ сего-ли пропали, что оружіе оставили и единымъ миролюбіемъ побѣждены и, желая жить въ покоѣ, всегда уступали неприятелю, который ихъ покой въ нескончаемую работу тираннамъ отдалъ». (Ист. Сол. XVI, 185; XVII, 166.390).

ческой церковно-религіозной жизни и идти далѣе, всегда въ тѣсной и не разрывной связи съ нею; но за то вся остальная русская жизнь: государственная, общественная и умственно-культурная, по скольку она не нарушаетъ основъ православія, должна уже идти инымъ путемъ, указываемымъ ей образованнымъ западомъ, такъ какъ въ этихъ сторонахъ нашей жизни, греки уже не могли быть, какъ въ жизни церковно-религіозной, нашими руководителями, наставниками и пособниками.

И въ виду того, что разные церковно-религіозные вопросы, въ XVII вѣкѣ такъ сильно занимавшіе и волновавшіе нашихъ предковъ и заставлявшіе ихъ обращаться къ грекамъ, какъ болѣе русскихъ компетентнымъ и авторитетнымъ въ рѣшеніи этихъ вопросовъ, — въ XVIII столѣтіи почти совсѣмъ не возбуждались, а на очередь выдвинулись совсѣмъ другіе вопросы, не имѣвшіе непосредственной связи съ церковно-религіозною жизнью, то, начиная почти съ самаго начала XVIII столѣтія, участіе грековъ въ русской жизни окончательно прекращается, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ вообще наши сношенія съ православнымъ востокомъ въ XVIII столѣтіи становятся уже не такъ обширны и часты, какими они были въ XVII вѣкѣ. Даже самыя политическія услуги грековъ, которыми ранѣе такъ дорожило московское правительство и ради которыхъ оно старалось поддерживать возможно частыя и постоянныя сношенія съ православнымъ востокомъ, со-времени Петра, послѣ того какъ въ Константинополѣ стали жить постоянные русскіе послы, потеряли теперь всю свою прежнюю цѣну и значеніе, потому что постоянные русскіе послы въ Турціи, по выраженію одного указа государыни Елизаветы Петровны, наши дѣла „прямо портѣ чинимыми предложеніями въ лучшее и въ несравненное съ преж-

ними, когда грекамъ посредникамъ платили не малыя суммы, поведеніе приведены“. Это конечно было справедливо. Такимъ образомъ случилось, что если патріархъ Досіея былъ самымъ преданнымъ, дѣятельнымъ и вліятельнымъ слугою русскаго правительства, воплотившемъ въ себѣ, такъ сказать, всѣ лучшія стороны и черты преданнаго интересамъ Россіи политическаго агента грека, то вмѣстѣ съ этимъ онъ былъ собственно и послѣднимъ такого рода агентамъ, такъ какъ уже его племянникъ и преемникъ на іерусалимской кафедрѣ — Хрисанъ сталъ къ русскому правительству въ инныя отношенія.